

"Сон Златовласки"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Триш Мори

Сон Златовласки

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Это была ужасная ночь, и она вполне соответствовала настроению Данте Карраццо.

Дворники его «БМВ» едва справлялись с потоками дождя, сквозь пелену которого можно было разглядеть лишь призрачные очертания каучуковых деревьев, склонившихся над шоссе в Холмах Аделаиды. Если в этих краях и был отель, он, похоже, не хотел, чтобы его нашли.

И неудивительно, учитывая планы Данте, которые привели его сюда.

Завернув за еще один поворот, Данте мрачно выругался, когда увидел впереди в свете фар лишь пустую мокрую дорогу. И никакого тебе отеля!

От усталости слипались глаза. Начали сказываться восемь часов за рулем после напряженного рабочего дня. Данте усилием воли подавил слабость, как делал всегда. Это был долгий, утомительный путь, но он знал, что едет правильной дорогой. Отель должен находиться где-то здесь среди тумана.

Данте едва не проехал мимо плохо освещенного рекламного щита, стоявшего недалеко от обочины. Снова выругавшись, он развернул автомобиль и направился по подъездной аллее в сторону тусклых огоньков, ознаменовавших конец пути.

«Эштон Хаус». Наконец-то!

В ночном тумане старый особняк выглядел зловеще, его окна были темными и неприветливыми, стены из песчаника неестественно сверкали в тусклом свете фонарей.

Когда Данте припарковался и вылез из машины, его окутал туман. Холодные капли дождя жалили кожу. Достав из багажника сумку, он подошел к центральному входу и нажал кнопку ночного вызова. Подождав секунд десять, он еще раз нажал кнопку.

— Я забронировал номер, — сказал Данте, проходя в теплый вестибюль мимо служащего, открывшего дверь.

Он слышал, как за его спиной захлопнулась массивная деревянная дверь, преградив путь холоду.

— Я обязательно проверю, сэр, — кивнул служащий, подходя к полированной стойке. — Но, кажется, у нас действительно нет мест.

Данте метнул в пего свирепый взгляд.

— Надеюсь, это не значит, что мой номер отдали кому-то другому.

Нахмурившись, служащий уставился на монитор компьютера.

— Проверка займет всего несколько секунд, сэр. Под каким именем вы зарегистрировались?

— Меня зовут Данте Карраццо.

— А-а! — Служащий резко выпрямился. Данте почувствовал его замешательство. И неудивительно. Теперь, когда он стал владельцем «Эштон Хауса», персонал беспокоится о своей дальнейшей судьбе.

Молодой человек неловко улыбнулся.

— Мы... мы не ждали вас сегодня, когда все аэропорты Мельбурна закрыты.

— У вас есть для меня комната или нет? — У Данте слипались глаза, и последнее, что ему сейчас было нужно, это — разговоры о погоде. Если они отдали его номер...

— Простите. Конечно, сэр, — сообщил служащий, протягивая ему ручку, чтобы он расписался в регистрационном бланке. — Ваш номер свободен. Просто мы ждали вас утром. — Он протянул Данте ключ.

— Когда я последний раз смотрел на часы, было уже утро, — язвительно произнес Данте. — Скажите, когда будет управляющий?

— Мак. Маккензи приходит к семи.

— Хорошо, — ответил Данте, расписываясь в бланке. — Передайте своему менеджеру, что я буду ждать его завтра в девять в ресторане отеля. А теперь скажите, где находится мой номер.

Служащий объяснил ему, куда надо идти, и Данте убедил его, что сам отнесет свой багаж. Но не успел он сделать несколько шагов по коридору, как его окликнули.

Обернувшись, он нетерпеливо произнес:

— В чем дело?

Оробевший служащий уже явно пожалел, что побеспокоил его.

— Я хотел сказать вам, мистер Карраццо, что мы приготовили для вас небольшой сюрприз в знак приветствия. Если вам понадобится что-то еще, непременно дайте знать.

— Не беспокойтесь, — пробурчал Данте. — Обязательно дам. — Повернувшись, он прошел через бильярдную, затем по коридору в крыло, половину которого занимал хозяйский номер.

Мягкий ковер заглушал его шаги. Отель спал. Единственным звуком, нарушавшим ночную тишину, был стук дождя, к которому иногда добавлялись отдаленные раскаты грома.

Навалившаяся усталость немного притупила чувство удовлетворения, вызванное осознанием того, что «Эштон Хаус» теперь принадлежит ему. Остановившись, Данте глубоко вдохнул и вставил ключ в дверь своего номера — номера, в котором семнадцать лет назад жили Сара и Джонас Дуглас.

Теперь, семнадцать лет спустя, последний оплот «Дуглас Проперти Груп» наконец принадлежит ему. Такое событие необходимо отметить!

Дверь открылась, и за ней показалась тускло освещенная прихожая. Слева была, кажется, спальня, рядом с ней — ванная, поэтому Данте свернул направо, в гостиную, и включил свет. Затем поставил сумку на пол и открыл сервант. Есть! Достав две крошечные бутылочки, он вылил их содержимое в стакан и, сделав глоток, подержал на языке виски, проглотил его, и оно разлилось по его горлу жидким огнем. Данте довольно вздохнул. Он это заслужил.

Через несколько секунд он снял пиджак и, обойдя комнату, вытащил из-за пояса брюк полы рубашки. Странно, но в номере совсем не холодно. Французские окна без занавесок были непроницаемыми, лишь ночная тьма и дождь.

Сможет ли он спать в комнате, в которой когда-то жили Сара и Джонас?

Конечно, сможет, черт побери! Сладкий вкус мести навеет ему не менее сладкий сон.

Раздевшись в ванной, он, полностью обнаженный, прошел в спальню.

И обнаружил спящую девушку.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Кожа ее обнаженных плеч блестела, словно жемчуг, в свете, падающем из ванной, золотисто-каштановые волосы мягкими волнами рассыпались по подушке. Она лежала на боку, и Данте, отметил про себя изящество ее профиля.

Да она настоящая красотка, подумал он, чувствуя, как усталость сменяется вожделением. Он подошел ближе к кровати. Кровати, которая по праву принадлежала ему.

Персонал творчески подошел к решению проблемы, подумал Данте. Прежде никто не додумывался смягчить его отношение к подчиненным с помощью красивого женского тела. Красивого, стройного и очень соблазнительного.

Однако никто никогда не решал за Данте Карраццо, с кем он будет спать. И никто не заставит его изменить свои планы насчет отеля. Незнакомке придется искать себе другую постель, чтобы согреться. Учитывая ее очевидные достоинства, это не займет много времени.

Данте уже собрался ее будить, когда увидел себя в зеркале и выругался. Обнаженному, ему вряд ли удастся убедить женщину в том, что ее услуги не нужны.

Достав из стенного шкафа один из халатов, предоставляемых постояльцам, он, одевшись, дотронулся до ее плеча как раз в тот момент, когда раздался удар грома. Женщина пошевелилась и что-то пробормотала. Данте подумал, что дело сделано, но она лишь перевернулась на спину и, вздохнув, снова провалилась в сон.

Его сердце учащенно забилося, когда перед его взором предстала более живописная картина. Даже с закрытыми глазами незваная гостя выглядела весьма соблазнительно. У нее были длинные ресницы и полные чувственные губы. Темные соски ее кремовых грудей затвердели от прикосновения прохладного воздуха.

Не они одни затвердели.

Данте почувствовал жар и тяжесть в паху. Теперь ему казалось, что на нем слишком много одежды. Простое восхищение женской красотой превратилось в плотское желание. Но как ее разбудить? Если она может спать в такую грозу, вряд ли ему удастся разбудить ее обычными способами.

Но оставались еще необычные способы.

Данте застонал про себя. Возможно, он слишком торопится, желая избавиться от нее как можно скорее. Эта гостиница не вызывала у него радостных чувств, но он заслужил небольшой

праздник. А где лучше отпраздновать победу, если не в комнате, в которой Сара и Джонас провели день перед тем, как сказать ему правду?

При воспоминании об этом его пронзила острая боль, словно это было только вчера, а не много лет назад.

Черт с ними! Он выкинет из головы все воспоминания о них, когда займется с этой женщиной любовью.

Затем он вышвырнет ее из номера.

Войдя в ванную, Данте снял халат и повесил его на крючок. Теперь пора решить, сколько времени он будет забавляться с этой Златовлаской. Сегодня ему не хотелось разговаривать. Он будет праздновать успех своего плана мести.

Когда Данте вернулся, девушка по-прежнему лежала на спине, раскинув руки в стороны, словно в ожидании кого-то. В ожидании его! Во сне ее лицо было почти ангельским. Нижняя часть ее тела была скрыта под одеялом, но он не сомневался в том, что на ней нет никакой одежды. Если она пришла сюда, чтобы доставить ему удовольствие, зачем тратить время на раздевание? Он ценил подобную практичность.

Незнакомка даже не пошевелилась, когда Данте убрал с ее лица прядь волос. Не в силах устоять, он провел пальцем по бархатной щеке, и девушка томно вздохнула. Его взгляд задержался на кремовых полушариях ее груди. Хороши, ничего не скажешь! Но вначале он отдаст должное этим чувственным губам.

Данте нежно обвел подушечкой большого пальца контур рта девушки, чувствуя ее теплое дыхание на своей коже. Она тихо застонала в ответ, и он воспринял это как одобрение.

Наклонившись, Данте вдохнул нежный головокружительный аромат и легонько провел кончиком языка по ее губам. Они тотчас приоткрылись, словно приглашая его внутрь.

Девушка зашевелилась, и Данте неохотно отстранился, чтобы посмотреть, не проснулась ли она. Ему никогда еще не приходилось доставлять удовольствие спящей женщине. Это оказалось весьма волнующим и ни с чем несравнимым занятием!

Секс украдкой!

Улыбнувшись, он погладил плечо Златовласки, затем снова накрыл губами ее губы. Спящая, она повторяла его движения, невольно участвуя в игре. Вскоре дыхание ее сделалось учащенным, и Данте, почувствовав легкий толчок бедрами, удивленно поднял голову, подумав, что девушка наконец проснулась. Но она, как ни странно, по-прежнему спала. Очевидно, ей снился эротический сон, в котором к ней явился прекрасный юноша, чтобы исполнить ее самые сокровенные желания.

Данте улыбнулся. Очень скоро девушка проснется и поймет, что ее сон продолжается наяву. Интересно, какого цвета у нее глаза? Судя по цвету волос, они, скорее всего, карие.

Когда его ладонь накрыла ее набухшую грудь, девушка выгнулась дугой, и одеяло немного сползло вниз, обнажив плавный изгиб талии и верхнюю часть крутых бедер. Гладкая, словно атлас, кожа, мерцала в тусклом свете. У Данте тотчас пересохло во рту. Даже сама того не осознавая, незнакомка была потрясающе соблазнительна. Что же будет, когда она проснется?

Боль в паху стала невыносимой, плотская жажда требовала утоления. Но тут девушка с мольбой пробормотала что-то, похожее на имя Ричард?

Внезапно игра потеряла для него всякую привлекательность. Последнее, чего он хотел, — это чтобы она думала о ком-то другом, когда они будут заниматься любовью. Нет, пусть лучше проснется и поймет, кто ее ласкает. И тогда он сотрет поцелуями все воспоминания о Ричарде из ее памяти.

После у него еще будет время лучше ее изучить, а сейчас пора заняться делом. Его пальцы соскользнули с ее груди.

— Пора просыпаться, Златовласка, — прошептал он, затем накрыл губами ее сосок.

Сон вернулся. Ее ночной гость снова был здесь. Тот, который разговаривал с Маккензи не с помощью слов, а на языке жарких поцелуев и объятий. Этот таинственный незнакомец опьянял ее своими умелыми ласками, заставляя ее чувствовать себя самой желанной.

И сегодня он казался еще настойчивее, убедительнее и реальнее, чем когда бы то ни было.

Но это был сон, и она знала, что, если откроет глаза, любовник ее мечты исчезнет, и все закончится. И все же для сна ее чувства были слишком взбудоражены, сердце учащенно билось, и ей, как никогда, хотелось, чтобы это было реальностью.

Маккензи чувствовала, как ее кожу покалывает от нескромных прикосновений. Губы мужчины коснулись ее губ, и ей показалось, что она ощущает на своем лице тепло его дыхания.

Ощущения были так реальны!

Будет ли это продолжаться всю ночь, или любовник ее мечты снова исчезнет до рассвета, а ей останется лишь ворочаться без сна и сомневаться в себе?

Как не хочется думать, что все сказанное ей Ричардом — правда!

И она никудашная любовница. И фригидна.

Маккензи качалась на волнах удовольствий, спрашивая себя, почему лишь ее таинственному любовнику удавалось разжечь в ней такой огонь. Но вот его нежные пальцы скользнули вниз по ее животу, и мысли о Ричарде и сомнения улетучились. Тихий мужской голос шептал ласковые слова, затем она услышала собственный приглушенный стон, когда его губы накрыли ее сосок. Где-то на задворках ее сознания промелькнуло: раньше любовник ее мечты никогда с ней не разговаривал.

Охваченная неожиданно возникшим страхом, Маккензи вела борьбу с самой собой. Ей не хотелось, чтобы любовник ее мечты исчез, но в то же время она понимала, что на этот раз все было по-другому.

Раскат грома окончательно разбудил ее. Все вокруг затряслось, но она не обратила на это внимания, потому что увидела темноволосую голову, склонившуюся над ее грудью.

Это был не сон! Чувственная паутина, окутавшая ее, не была плодом ее воображения. Таинственный мужчина и его ласки были реальностью!

Испуганно вскрикнув, она дернулась и натянула на себя одеяло.

— Доброе утро, Златовласка, я уже начал думать, что ты никогда не проснешься. — Его голос успокаивал. И тут вспышка молнии осветила лицо мужчины. Хотя она длилась доли секунды, черты его лица запечатлелись в ее сознании. Они были слишком хорошо ей знакомы, и она пришла в ужас.

Данте!

Тот самый человек, от которого зависела судьба отеля. Человек, которого она поклялась убедить всеми возможными способами не разрушать здание и не лишать источника дохода всех, кто здесь работал.

Это был не сон.

Реальность оказалась намного хуже.

Мужчина самодовольно улыбнулся, и внутри у Маккензи все сжалось. Затем его рука коснулась ее щеки, и ей пришлось сделать над собой огромное усилие, чтобы не потереться об его пальцы.

— Я никогда бы не предположил, что такое возможно, — загадочно произнес он, затем взял что-то с туалетного столика. Чары были разрушены, и Маккензи смогла немного отодвинуться назад и натянуть одеяло повыше. Кожу на ее груди все еще покалывало после прикосновений его губ. Она зажмурилась. О боже, это были губы Данте Карраццо!

— Мне... мне нужно идти, — пролепетала девушка, все еще пытаюсь понять, что он здесь делал так рано. Она проклинала себя за то, что воспользовалась свободным номером, а не поставила себе раскладушку в прачечной. Но больше всего ее поразило то, что мужчина смог так быстро и легко разжечь в ней огонь желания.

Затем Маккензи услышала шорох фольги, и Данте Карраццо снова повернулся к ней лицом. Он был полностью обнажен, и его мускулистый торс блестел в тусклом свете. Ее взгляд скользнул ниже, и она судорожно сглотнула. Дар речи покинул ее, разум подчинился зову плоти, когда она увидела предмет его мужской гордости. Что бы она почувствовала, если бы он оказался внутри нее, спросила себя Маккензи. Безумие, но внезапно ей захотелось это испытать.

— Ты не хочешь уходить сейчас, — заверил он, воспользовавшись ее замешательством. — Самое главное еще впереди.

Даже если бы Маккензи этого и хотела, она сомневалась, что смогла бы пошевелиться. «Это плохая идея», — прорвался тонкий голосок сквозь дурман чувственных наслаждений. Очень плохая. Но она не могла понять почему.

«Это не такая уж и плохая идея, — нашептывал другой голос, — если ты наконец попытаешь то, на что Ричард считал тебя неспособной. Где здесь опасность? Сейчас темно, он заснет минут через пять и потом не узнает тебя.

Он никогда не узнает, что это была ты».

Эти слова повторялись в голове Маккензи как священная мантра, и она пыталась за них зацепиться, поверить в них. Да она просто вынуждена в них поверить! Потому что достигла той точки, когда назад дороги нет. Ей некуда бежать, да она и не хотела.

Рука Данте скользнула по плавному изгибу ее талии, затем по внутренней поверхности бедра,

и Маккензи бросило в дрожь. Она вжалась спиной в матрац, боясь, что не вынесет этого томительного ожидания. Когда его пальцы легли между ее ног, девушку словно пронзил электрический разряд.

— Пожалуйста, — взмолилась она, сама не зная, о чем просит. Лишь бы это произошло скорее.

Жаркие губы мужчины скользнули по ее шее, затем начали пощипывать мочку уха. В ответ на это ее спина выгнулась дугой, а ноги сами раздвинулись. Приняв приглашение, он лег поверх нее.

Позже она будет ругать себя за легкомысленность, но разве у нее был выбор? Если бы ей только не было с ним так хорошо! Разве она могла противостоять тому, что так приятно, так естественно?

Ей казалось, что она продолжает спать даже после того, как открыла глаза. Огонь желания все сильнее разгорался внутри, и она замерла в ожидании.

Тогда Данте, словно услышав ее мольбы, вошел в нее и начал ритмично двигаться, вознося ее все выше и выше, на вершину чувственных удовольствий.

Ладони Маккензи прижались к его горячей груди, голова откинулась назад, пульс участился.

Она жадно вдыхала воздух, но чувствовала только волнующий аромат одеколона, смешанный с запахом мужского тела.

Данте ускорил ритм, и ей ничего не оставалось, кроме как послушно следовать за ним. Наклонив голову, он накрыл губами ее сосок. Ее пронзил электрический разряд, спина выгнулась дугой, ногти впились ему в спину. Она испытывала одновременно боль и удовольствие.

Через несколько секунд нарастающее напряжение разорвалось фейерверком бесчисленных искр. Внезапно ее тело стало легким как перышко, и она начала медленно приходить в себя.

Протяжно простонав, замер и мужчина.

Маккензи, тяжело дыша, уставилась в потолок, все еще не веря в произошедшее. Невероятно, что она, «холодная как лед», по словам Ричарда, смогла так воспламениться в объятиях незнакомца! Но больше всего ее поразило то, что этим незнакомцем был Данте Карраццо.

Ее охватил страх. Впрочем, теперь, когда она уступила желаниям своего тела, сокрушаться бесполезно.

Что она натворила?!

Зажмурившись, Маккензи зажала рот ладонью, чтобы не вскрикнуть от отчаяния. О чем она думала? Как могла позволить незнакомому мужчине — особенно Данте Карраццо — сделать такое с ней?

Но когда он в нее вошел, воля и разум отключились. Ее мышцы до сих пор гудели, словно напевая мелодию страсти. Незнакомую, но очень приятную.

Поступила ли бы она по-другому, если бы можно было повернуть время вспять? Маккензи сомневалась. Покачав головой, она попыталась собраться с мыслями.

«Он никогда не узнает, что это была ты». На ум ей снова пришли слова мантры, и она украдкой посмотрела на него. О нет, все не так просто. Данте Карраццо не должен ее узнать. Иначе все пропало.

Данте затих, и Маккензи подумала, что он уснул. Повернув голову, она посмотрела на цифровой будильник. Начало четвертого. Свет от будильника четко очерчивал суровый профиль мужчины, делая его рот твердым и безжалостным. Не таким, как прежде...

Убедившись, что он крепко спит, Маккензи тихо поднялась с постели, взяла со стула одежду и выскочила из комнаты.

О нет! Она не будет думать о том, какое удовольствие доставляли ей прикосновения этих губ к ее коже.

Не будет!

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Данте Карраццо уже ждал ее за уединенным столиком оживленного ресторана. Он читал газету. Выражение его лица было мрачным. Его нельзя было назвать классически красивым, но женщины вокруг не сводили с него глаз. В этих суровых, точно высеченных из камня чертах чувствовалась скрытая сила. Угроза. Опасность.

Одного взгляда на него было достаточно, чтобы внутри у Маккензи все сжалось при воспоминании об их близости. Данте Карраццо был самым привлекательным мужчиной в ресторане. Каждый его жест излучал силу и решимость, а если вспомнить, что всего несколько часов назад...

Маккензи старалась не обращать внимания на тянущую боль внизу живота. Разгладив ладонями юбку, она в сотый раз сказала себе, что он ее не узнает. Одетая, с поднятыми наверх волосами и в очках, она выглядела совсем по-другому. Кроме того, в номере было темно и он был слишком занят удовлетворением своих инстинктов, чтобы ее разглядывать.

Что он за человек, раз воспользовался спящей женщиной, словно имел на это все права? Да, она спала в его номере, но его ждали только утром, и у нее на лбу не было надписи «возьми меня».

Маккензи подавила чувство вины и страха. Стоя в дверях, она не спасет отель. Собрав все свое мужество в кулак, она подошла к нему.

— Мистер Карраццо?

Бросив небрежный взгляд в ее сторону, он посмотрел на часы, после чего снова углубился в чтение газеты.

— Я уже сделал заказ.

— Вы хотели встретиться со мной, мистер Карраццо, — произнесла она, стараясь подавить дрожь в голосе, затем протянула ему руку: — Маккензи Кео.

На этот раз он удостоил ее большего внимания, и Маккензи почувствовала, что у нее горят щеки.

— Вы Маккензи? — Он слегка нахмурился.

— Совершенно верно.

— Вы женщина.

Она насмешливо подняла бровь.

— Это тоже верно. По крайней мере была ею; когда в последний раз смотрела на себя в зеркало. — Она села напротив него.

В ответ Данте улыбнулся ей. Официантка принесла кофе, и пока она наполняла их чашки, он продолжал наблюдать за Маккензи. Она отказалась от предложения позавтракать с ним. Вряд ли сегодня ей удастся проглотить хотя бы кусочек, А вот кофе, напротив, придаст ей сил.

— Маккензи — что за странное имя для женщины?

— Это мое имя, мистер Карраццо, — колко ответила она, в первый раз осмелившись посмотреть ему в глаза. Если он не узнал ее до сих пор, возможно, не узнает никогда. — Полагаю, — продолжила она, — вы назначили мне эту встречу не для того, чтобы критиковать выбор моих родителей.

Данте Карраццо было трудно удивить, но «Эштон Хаус» уже преподнес ему несколько сюрпризов.

Во-первых, персонал подложил ему в постель женщину, которая быстро и умело удовлетворила его желания.

Во-вторых, она неожиданно исчезла, прежде чем он понял, насытился ею или нет. Обнаружив утром на подушке лишь аромат ее духов и несколько золотистых волос, он испытал разочарование.

В-третьих, ему прислали женщину-менеджера с мужским именем, которая не скрывала своей враждебности. Она постоянно ему дерзила, а он ожидал от нее той же почтительности и благоговейного страха, с какими его встретил ночной портье. И все же ее румянец и то, как она нервно теребила салфетку, говорили о ее волнении.

По всем правилам ей следовало его бояться. Осознавала ли она уязвимость своего положения? Потягивая кофе, он взвешивал факты, пытаясь понять, что ему кажется странным в этой женщине. Она ерзает на стуле, теребит салфетку, отводит взгляд. Хорошо.

Молчание могло сказать о человеке больше, чем слова. Она смущается, когда он на нее смотрит. Почему? Большинство женщин были бы польщены таким вниманием.

И Маккензи, должно быть, привыкла к тому, что на нее смотрят мужчины. Даже в скучном сером костюме она выглядит вполне привлекательно. У нее были приятные черты лица, разве что нос слегка неправильной формы. Да и выпуклости, угадывающиеся под костюмом, выглядели многообещающе.

Она прокашлялась, и он поднял глаза чуточку выше.

— Мистер Карраццо, — осторожно произнесла она, глядя сквозь очки куда-то поверх его плеча. — Я взяла на себя смелость и назначила на половину одиннадцатого собрание, чтобы

обсудить с персоналом отеля будущее «Эштон Хауса». Вы мне позволите выразить основные опасения служащих?

Данте отрывисто кивнул. Что-то в этой женщине беспокоило его, и он никак не мог понять что.

— «Эштон Хаус» — единственный отель премиум-класса в Холмах Аделаиды. Был построен в середине восемнадцатого века. Все пятьдесят наших сотрудников беспокоятся о своих рабочих местах. И не без оснований, учитывая то, что вы закрыли почти половину отелей, приобретенных вами в последние два года. Они хотят знать, сохранит ли «Эштон Хаус» статус отеля премиум-класса, или им стоит начать подыскивать себе другую работу.

— Есть другие причины, по которым мне следовало бы сохранить отель?

Маккензи прищурилась, удивленная его вопросом.

— Потому что он того стоит. Ни один отель в Холмах Аделаиды, возможно, даже во всей Аделаиде не идет с ним ни в какое сравнение.

— Почему? — произнес он скучающим тоном. — Что приводит людей сюда?

— Во-первых, красота ландшафта. Виды здесь...

Данте демонстративно повернулся лицом к окну, из которого было видно только белую пелену тумана.

— О да, — усмехнулся он. — Я могу это понять.

Маккензи неловко откинулась на спинку стула, и он улыбнулся. Возможно, ее нервозность объяснялась боязнью потерять работу.

Довольный тем, что на пути к осуществлению его плана возникло небольшое препятствие, он сделал глоток кофе и вернулся к чтению газеты.

— Мистер Карраццо.

Подняв глаза, он удивился, что она еще не ушла лечить уязвленное самолюбие.

— По-моему, люди имеют право знать о ваших планах. Теперь, когда «Эштон Хаус» принадлежит вам, они беспокоятся за свои рабочие места.

Официантка принесла его завтрак, и он попросил ее налить ему еще кофе. Она выглядела такой скованной, словно ей не терпелось убраться от него подальше. Интересно, почему женщина, сидящая напротив, его не боится, хотя временами нервничает, как школьница?

— «Эштон Хаус» принадлежит мне, — самодовольно заявил Данте, — и я могу делать с ним все, что захочу.

Он видел, как поднялась и опустилась ее грудь, а пальцы сжались в кулаки.

— Например, то же, что с теми, которые вы уже приобрели?

— Вас это не касается.

— Ошибаетесь, еще как касается! Вы разрушили три прибыльных отеля и построили на их

месте многоквартирные дома. Для чего?

Из мести, подумал он, упиваясь этим словом. Каким оно было сладким! Но этого никто не поймет. Никто не был в черной яме, куда его бросили семнадцать лет назад и откуда он с таким трудом выбрался, разодрав в кровь руки.

— Я сторонник прогресса, — небрежно бросил он. — Мир не стоит на месте.

— И какой прогресс ожидает «Эштон Хаус»? Вы планируете подарить миру несколько новых шедевров архитектуры в виде многоэтажек?

Отложив нож и вилку, Данте сделал глоток кофе и посмотрел на Маккензи поверх своей чашки. На ее щеках снова проступил румянец, грудь часто вздымалась и опускалась, и у него снова возникло ощущение, что здесь что-то не так.

Или, может, все дело в том, что Маккензи Кео оказалась первой, кто не смирился с неизбежным и решил оказать ему сопротивление. Он не ожидал такого воинственного настроения от человека, который в начале их встречи так нервничал.

— Местный совет этого не одобрит.

— Но вы все равно это сделаете?

Это прозвучало скорее как обвинение, нежели вопрос, но Данте проигнорировал издевку. Он приехал сюда не для того, чтобы обзаводиться друзьями, и ему было все равно, что о нем подумают. Для этого уже слишком поздно.

— «Эштон Хаус» ждет другая участь.

— Что это значит? — Ее глаза сузились. — Вы все же планируете не закрывать отель?

Ее глаза наполнились надеждой, но Данте знал, что это продлится недолго. Откинувшись на спинку стула, он засунул руки в карманы и самодовольно улыбнулся. Он добился почти всего, что запланировал семнадцать лет назад, и близость цели дурманила его, как наркотик. Остался последний шаг.

Он не мог думать об этом без улыбки.

— Я собираюсь отель разрушить, — сказал он ей. — Выломать каждую дверь, каждое окно и оставить его на милость дождя и ветра, пока он не превратится в руины.

Потрясенная Маккензи лишилась дара речи. Когда она снова смогла говорить, ее голос звучал так, словно она проглотила наждачную бумагу.

— Зачем вам это делать?

— Потому что я так хочу.

Его голос был холодным как лед, взгляд — безжизненным. Нет, не безжизненным, поняла Маккензи, присмотревшись получше. Глаза были холодными, но в их темной глубине бурлил гнев.

Устрашающие глаза страшного человека. Неудивительно, что прежние владельцы «Эштон Хауса» так расстроились, когда уступили ему контроль над отелем. Бедные Сара и Джонас!

Они отчаянно пытались противостоять этому ненасытному хищнику, но теряли один отель за другим.

Потрясение сменилось яростью.

— Зачем разрушать такое красивое здание? И что делать служащим отеля?

Небрежно пожав плечами, Данте вернулся к своему завтраку.

— Полагаю, искать другую работу.

Внутри у Маккензи все кипело от ярости.

— Так просто?

— Если они работали в таком, как вы говорите, первоклассном отеле, им не составит труда найти себе достойное место.

С каждым его жестоким ответом ее гнев усиливался. Но она не собиралась спокойно наблюдать за тем, как он разрушает красивое здание, в котором ее родители сорок лет назад отпраздновали свою свадьбу. Должен быть какой-нибудь способ спасти отель от этого безумца, но ей понадобится время, чтобы его найти.

— И когда все это произойдет? — спокойно спросила она. — Учитывая, что все номера забронированы более чем на год вперед, вы дадите нам год? Полтора? Сколько времени вы готовы дать персоналу на поиски новой работы?

Он покачал головой.

— Нет.

— Что вы имеете в виду под «нет»?

— Нет смысла тянуть с этим год, если через полгода все служащие могут разбежаться. Придется искать им замену на оставшееся время. К чему мне лишние проблемы?

— Итак... сколько времени у нас есть?

— Отель закроется через три месяца.

— Что? Это невозможно. Не...

— Мисс Кео, за долгие годы в бизнесе я понял, что нет ничего невозможного. Отель будет закрыт, и точка.

— Но я... я не позволю вам это сделать. Данте рассмеялся, и это распалило ее гнев.

— И как же вы собираетесь мне помешать?

— Я постараюсь убедить вас в том, что этот отель может принести вам большую прибыль, чем вы думаете. Я подготовила для вас отчеты, проекты...

— Я вас уже выслушал, — возразил он. — Вы сказали, что люди приезжают сюда из-за красивого ландшафта. — Он небрежно указал ей головой на пелену тумана за окном. — Думаю,

они не много потеряют, если я закрою отель.

Маккензи так сильно сжала руки в кулаки, что побелели костяшки пальцев.

— В Холмах Аделаиды зима, мистер Карраццо, а зимой у нас иногда бывает туман. Не каждый день. Лишь время от времени. Сегодня один из таких случаев.

Данте выглядел скучающим. Выражение его лица говорило, что ему не терпится с этим поскорее покончить.

— Три месяца. Это все, что у вас есть.

Ее гнев достиг предела.

— Вы сошли с ума! Как быть с предварительными договоренностями? У нас запланированы свадьбы и конференции. Люди внесли задаток. Мы не можем аннулировать их заказы.

— Они будут аннулированы, но клиенты получают компенсацию. Как менеджер, вы этим займетесь.

Маккензи усмехнулась.

— Хотите сделать из меня козла отпущения, мистер Карраццо? У вас это не выйдет.

— Отказываетесь выполнять свою работу, мисс Кео? Я могу вас рассчитать раньше. Скажем, сегодня?

Перспектива остаться без работы на три месяца раньше не привлекала Маккензи. Ей повезло больше, чем многим. Она неплохо зарабатывала и жила в уединенном коттедже в горах, но на сколько ей хватит денег, которые будут выплачены при расчете? С другой стороны, она как можно скорее должна что-то сказать, чтобы уйти отсюда, пока он ее не узнал.

— Раз так, — решительно произнесла она, — вы не оставляете мне другого выбора. Я ухожу. Сегодня же.

В глазах Данте промелькнуло удивление. Наверное, он думал, что она будет умолять его не лишать ее работы.

Он цинично поднял бровь.

— Ждете, что я буду упрашивать вас остаться?

Увольнение давало ощущение свободы. Теперь, когда ей больше не нужно дорожить рабочим местом, она могла высказать ему все, что о нем думает.

— Знаете, мистер Карраццо, — произнесла она, натянуто улыбаясь, — несмотря на то, что мы о вас слышали, я думала, с вами можно договориться, воззвав к лучшему, что в вас есть. Но у вас нет лучшей стороны, не так ли? Вы бессердечный мерзавец. Не понимаю, как вы можете спокойно спать по ночам.

Он криво усмехнулся.

— Вы поэтому прислали ко мне в номер женщину? Полагали, что мне необходимо развлечься, пока моя нечистая совесть спит?

На ее щеках проступили красные пятна. Она отвела взгляд, притворяясь, что ее интересует туман за окном, но ее руки нервно теребили салфетку на коленях.

— Не понимаю, о чем вы.

Данте улыбнулся, но его улыбка напомнила ей оскал голодного льва.

— О женщине, которая оказалась в моей постели прошлой ночью. Вы здесь менеджер. Только не говорите, что не послали ее в мой номер.

Маккензи перевела взгляд на него. Ее губы были плотно сжаты. Резко поднявшись, она уронила мятую салфетку.

— Я не собираюсь это слушать.

Встав, он преградил ей путь к выходу.

— Вы, правда, думали, что, подложив мне в постель женщину, заставите меня передумать насчет отеля?

Ее подбородок взметнулся вверх, руки снова сжались в кулаки.

— И где же эта шлюха сейчас, мистер Карраццо? Ждет вашего возвращения для повторного оказания услуг? Меня удивляет, как вы вообще встали с постели.

Его глаза вспыхнули ледяным огнем.

— Вы прекрасно знаете, что она ушла. Вы же сами ей платите.

— Я понимаю, почему женщины спят с вами только за деньги, мистер Карраццо, но уверяю вас, что мы никого к вам не послали. Возможно, никакой женщины и не было. Скорее всего, она лишь плод вашего воображения. Может, пропустите меня? Мне еще нужно освободить кабинет.

Данте стиснул зубы. Она смеялась над ним. Зеленые глаза сверкали, словно изумруды, за стеклами очков.

Зеленые глаза?

Он мысленно перенесся в прошлую ночь. Волосы женщины разметались по подушке, открывшиеся глаза выражали удивление. Не карие, как он предполагал, а зеленые.

Такого же яркого изумрудного цвета, как у стоящей перед ним женщины!

Мысленно Данте распустил ей волосы, снял с нее униформу и очки. Этого оказалось достаточно, чтобы он убедился в правильности своей догадки.

Внутри у него все клокотало, как в жерле вулкана. Ее игра была закончена. Он уперся руками в бока.

— Скажите мне, — процедил он сквозь зубы, — кто лучше в постели, я... — он выдержал паузу, — или Ричард?

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

От потрясения у Маккензи перехватило дыхание. Она уже давно не думала о Ричарде. Неужели она произнесла его имя во сне прошлой ночью?

Странно, потому что с Ричардом ей никогда не было так хорошо, как с любовником ее мечты.

Но ужаснее всего было то, что Данте Карраццо узнал в ней женщину, которая провела с ним ночь. Которую он принял за шлюху.

Ее сердце наполнилось леденящим ужасом.

— Я... я понятия не имею, на что вы намекаете, — в отчаянии солгала она, не зная, что ей делать.

— Хотите сказать, что Ричард никогда не говорил вам о том, что вы разговариваете во сне?

К их столику подошла официантка за пустой посудой, и Маккензи поняла, что их беседу следует продолжить в другом месте.

— Если вы закончили ваш завтрак, мистер Карраццо, думаю, нам лучше перебраться ко мне в кабинет.

— А может, в мой номер? — язвительно произнес он. — Прошлой ночью вы чувствовали себя там как дома.

— Хватит! — отрезала Маккензи, не обращая внимания на удивленные лица посетителей, и направилась к выходу. Данте Карраццо последовал за ней.

Как ей противостоять этому ужасному человеку теперь, когда он знает, что занимался с ней сексом?

— Вам не следовало это говорить, — сказала она, как только он вошел следом за ней в кабинет и закрыл за собой дверь.

— А вам не следовало забираться в мою постель.

— Я не говорила, что была там.

— Этого и не нужно. Ваша реакция на имя Ричард — убедительное доказательство.

Маккензи отвернулась.

— Это ничего не доказывает. Меня просто сбили с толку ваши слова.

— Тогда почему вы пулей вылетели из ресторана?

— А вы как думаете, что я должна была делать после ваших обвинений?

Немного помедлив, Данте протянул руку и повернул ключ в замке.

— Что вы делаете? — запаниковала она.

— Вы хотели уединения? Теперь нам точно никто не помешает. — Данте подошел к ней, и она пожалела, что пошла в кабинет. Внезапно комната уменьшилась, воздух будто зазвенел от напряжения. — Чего вы хотели добиться своей маленькой ночной проделкой?

Маккензи попятилась назад, но он последовал за ней, и она оказалась в ловушке. Одна его рука легла на стол, вторая — на подоконник. Его широкоплечая фигура преграждала ей выход. В тактике запугивания этому человеку, похоже, не было равных, и ее бросило в жар.

— Я не вижу смысла продолжать этот бессмысленный разговор, и к тому же вы отказались от моих услуг. Вам лучше пойти и сообщить о своем решении персоналу, а я пока соберу вещи.

— Почему вы не хотите об этом говорить? Потому что ваш хитрый план провалился? — Данте провел рукой по ее плечу. Его горячие пальцы обожгли ее кожу через ткань блузки, и она содрогнулась. Как такое было возможно? Безусловно, прошлой ночью Данте Карраццо доставил ей огромное удовольствие, но как она могла продолжать реагировать на него сейчас, когда так его ненавидит? Разве можно было не испытывать к нему ненависти, когда он собирался сделать такое с «Эштон Хаусом»?

Маккензи напряглась. Ее выводило из себя то, что он считал, будто все вокруг, включая ее, были готовы лезть из кожи вон, лишь бы ему угодить.

— Какой еще план?

— Задобрить меня, чтобы я передумал насчет отеля. Должен сказать, вы очень инициативны и проделали впечатляющую работу.

Маккензи отрицательно покачала головой. Как хорошо, что он не мог слышать учатившийся стук ее сердца!

— А я должна сказать, что у вас богатое воображение. А теперь вы не могли бы оставить меня одну?

— Насколько я помню, прошлой ночью вы не возражали, когда я к вам прикасался. Вам это даже доставляло удовольствие.

Она не хотела это слушать. Чувства, которые она испытывала прошлой ночью и сейчас, когда он коснулся ее руки, оставались для нее загадкой. Они были незнакомыми и слишком новыми для нее. Она не понимала, почему именно этот мужчина заставлял ее таять.

Раздосадованная, она опустила руки и попыталась пройти мимо него.

— Вы сошли с ума! Немедленно пропустите меня!

В ответ он улыбнулся и преградил ей путь, так что они столкнулись друг с другом. Маккензи тут же отпрянула. В этот момент он протянул руку и, сняв с девушки очки, положил их на стол.

— Эй!

Данте еще шире заулыбался.

— У вас очень красивые глаза, — сказал ей он. — Они необычного изумрудного оттенка. Я знаю, что видел их раньше.

Маккензи отвернулась.

— У многих людей зеленые глаза, — глухо отозвалась она, почувствовав, что его рука коснулась ее затылка. Затем послышался щелчок заколки, и волосы рассыпались по ее плечам. Данте тут же запустил в них пальцы.

— Ну вот, так гораздо лучше.

— Нет! Отпустите меня! Что вы делаете? Я буду кричать...

Намотав на палец прядь ее волос, Данте наклонил голову и внимательно посмотрел на девушку.

— На моей подушке остался аромат ваших волос. Почему вы так рано ушли?

— Я все еще не понимаю, о чем вы говорите.

— Вы не можете и дальше притворяться, что в моей постели были не вы.

— Я уже говорила, что вам это, возможно, приснилось.

Потянув Маккензи за волосы, он привлек ее к себе.

— О, это было лучше, чем сон. Намного лучше. — Его голос был теплым и вкрадчивым. — И в миллион раз приятнее.

Он находился слишком близко. Так близко, что она почувствовала его запах и мысленно перенеслась на несколько часов назад.

Маккензи упрямо тряхнула головой. Нет, она не должна об этом думать!

— Послушайте, мистер Карраццо...

— Называйте меня Данте.

— Но...

— После того, что было прошлой ночью, мы могли бы перейти на «ты».

— Пройдя ночью ничего не было, — настаивала на своем Маккензи. Она попятилась и наткнулась на шкаф.

Данте приблизился и уперся руками в шкаф по обеим сторонам от нее.

— Почему вы исчезли? Сегодня утром мне вас не хватало.

Маккензи покачала головой.

— Нет.

Подняв руку, он провел кончиками пальцев по ее щеке и шее.

— Нам обоим еще столько всего предстояло узнать друг о друге.

Маккензи глубоко вдохнула.

— Повторяю еще раз, вы меня с кем-то путаете. Его рука скользнула вниз по ее плечу, едва не задев ее грудь.

— Глупо все отрицать, когда нам так хорошо было вместе.

Она попыталась сбросить его руку, но у нее ничего не вышло.

— Послушайте, это уже переходит всякие границы. Мне нужно собрать вещи, а вам — начать разрушать отель.

— Думаю, прямо сейчас нам обоим не терпится заняться кое-чем другим.

— Нет!

Данте улыбнулся, но его глаза оставались холодными. Маккензи задрожала, словно жертва перед хищником, готовящимся ее проглотить.

— Я знаю, что вы получили удовольствие от секса прошлой ночью, так же как и я.

— Нет, не получила!

Не успели эти слова сорваться с ее губ, как Маккензи захотела взять их назад, чтобы не видеть блеск триумфа в его бесстыжих темных глазах. Она поднесла руку к губам, но было уже слишком поздно, и ей не удалось сдержать крик отчаяния.

— Ничего страшного, мисс Кео, — сказал он, положив обе руки ей на плечи. — Вы попытались, но провалились. Не вините себя за это.

Его покровительственный тон привел ее в бешенство. У нее не осталось средств для защиты, но она могла атаковать.

Решительным движением Маккензи сбросила его руки.

— Я поражаюсь вашей самоуверенности, мистер Карраццо. Вы обнаруживаете в своей постели женщину и думаете, что она оказалась там для того, чтобы удовлетворить ваше сексуальное желание. Что вы за человек?

— Человек, который привык ценить оказанное ему внимание.

— Звучит так, словно я вас ждала.

— А разве это было иначе? Вы находились в моем номере. Лежали обнаженная в моей постели. Ночной портье предупредил, что мне приготовили сюрприз в знак приветствия. Какая предупредительность! Единственное, о чем я сожалею, это о том, что не смог в полной мере насладиться своим подарком. Почему вы так быстро ушли, мисс Кео? У нас не было времени узнать друг друга.

Внезапно факты сложились воедино, и Маккензи поняла весь ужас ситуации. Карраццо думал, что она забралась к нему в постель, чтобы его задобрить. Заметил ли он набор местных вин и сыров на кофейном столике? Видимо, нет.

Он спокойно отнесся к тому, что руководство отеля подложило ему в постель женщину. То, что она прошлой ночью не оказала ему сопротивления, говорило не в ее пользу.

Маккензи зажмурилась. Она смогла бы уйти, если бы захотела. У нее было много времени, прежде чем ее разум окончательно отключился. Как она может притворяться, что не хотела заниматься с ним любовью, когда сама проявляла активное участие?

Как же объяснить ему, что она находилась в его номере совсем по другой причине?

У нее было два варианта поведения: либо признаться, что она, засидевшись на работе, решила заночевать в единственном свободном номере, и выставить себя полной идиоткой, либо подыграть ему и уйти с достоинством.

Принятие решения не отняло у нее много времени.

— А какой смысл мне был там торчать? — Маккензи гордо вскинула голову. — Когда все закончилось, вы через минуту уже спали.

Очевидно, ее оскорбление попало в точку. Надменная маска мигом исчезла с его лица.

— Через минуту? Мне запомнилась каждая секунда этой минуты.

Она пожала плечами.

— Да не переживайте так, все нормально.

Его глаза сузились, и Маккензи догадалась, что нанесла ему самое обидное оскорбление из всех возможных.

— Вы не хотели подождать до утра и ближе со мной познакомиться?

Она снова пожала плечами.

— Простите, но мне эта идея показалась нелепой, и вы бы со мной согласились. Я поняла, что вы не принадлежите к тому типу людей, которые меняют свое решение после одной ночи страсти.

Ему захотелось что-нибудь разбить. Она не только усомнилась в его мужской силе, но и стала первой женщиной, которая решила отказаться от близких отношений с ним. И это ему совсем не понравилось.

— Зачем вы притворялись, что ничего не было, даже после того, как я вас узнал?

Небрежно откинув назад волосы, Маккензи усмехнулась.

— Ночной эпизод не относится к тем вещам, в которых хочется признаваться. Я подумала, что будет лучше все отрицать.

— А что, если бы эпизод повторился?

Она помедлила.

— Я вас не понимаю.

— Вы сказали, что я не изменю своего решения из-за одной ночи страсти, и были абсолютно правы. Но что, если у вас будет больше времени? Не удастся ли вам заставить меня передумать, как считаете? Ее глаза сузились.

— Мне нужно собрать вещи. У меня нет времени выслушивать всякие глупости.

— Я советую вам не спешить. Вы смогли бы кое-чему научиться. Возможно, вам будет интересно узнать, что большинство людей не достигают своей цели только потому, что слишком рано сдаются.

— Спасибо за урок, но, если вы хотите успеть на совещание с персоналом, вам следует поторопиться.

— Я не шучу, — сказал Данте.

Маккензи ответила не сразу.

— Насчет чего?

— Насчет того, чтобы снова заняться с вами сексом.

Где-то зазвонил телефон, в коридоре загремела тележка уборщика.

— Это не смешно, — наконец произнесла Маккензи. Ее голос прозвучал сдавленно и напряженно.

— Я и не смеюсь.

Похоже, он действительно не шутил. Его взгляд был полон решимости. Решимости вернуть ее в свою постель. При этой мысли по ее спине пробежала дрожь.

Она глубоко вдохнула.

— Я не собираюсь с вами спать.

— Но вы уже со мной переспали.

— Это было ошибкой. Это не должно было произойти и больше не повторится.

— Даже если я передумаю?

Маккензи не доверяла этому человеку, но в тоже время она не могла полностью исключить возможность, что он может по какой-то причине передумать разрушать отель.

— Что вы имеете в виду? — на всякий случай спросила она.

— Кажется, вы относитесь к тем людям, которые пошли бы на все, лишь бы спасти ваш драгоценный отель.

— Да, я не хочу, чтобы «Эштон Хаус» закрылся. Никто этого не хочет, кроме вас.

— В таком случае я даю вам шанс его спасти.

— Вы измените свое решение, если я буду с вами спать? Я вам не верю.

Его темные глаза засверкали.

— Придется поверить. Если вы откажетесь со мной спать, отель будет закрыт. Разрушен. Я даю вам шанс спасти его.

Маккензи часто заморгала.

— Вы ожидаете, что я соглашусь быть вашей любовницей?

Он небрежно пожал плечами, словно она не приняла приглашение на ленч.

— Только на какое-то время.

— А если я соглашусь, вы не закроете отель?

— Я подумаю.

— Подумаете?! Что это, черт побери, за сделка?

— Это самое выгодное предложение, которое вы сегодня получите.

— А откуда мне знать, что вы действительно собираетесь подумать? Какие вы можете мне дать гарантии?

— Никаких.

Маккензи покачала головой.

— Вы действительно спятили.

Взяв картонную коробку, она вынула оттуда полпачки бумаги для принтера и начала бросать туда вещи со своего стола.

Когда Маккензи потянулась за фотографией, Данте остановил ее, схватив за запястье. Она осуждающе посмотрела на него.

— Может, в бизнесе вы и знаете толк, но, что касается отношений с людьми, вам еще многому нужно учиться.

Данте не отпустил ее.

— Подумайте о моем предложении, — заявил он. — Вы готовы через несколько минут признаться своим сотрудникам, что вам представилась возможность спасти отель и сохранить их рабочие места, но вы ею не воспользовались?

— Я не собираюсь идти на это совещание.

— Тогда им это скажу я.

Потрясенная, она уставилась на него, не веря, что он способен на подобную жестокость.

— Я скажу им, что менеджер отказывается со мной сотрудничать и у меня нет другого выхода, кроме как закрыть отель.

— Вы не посмеете! Он улыбнулся.

Просто безумие какое-то! Неужели он говорит серьезно? Маккензи подумала о служащих: о регистраторше Натали, которая только что купила свой первый дом, о шеф-поваре Конне, жена которого ждала третьего ребенка. Имела ли она право отказать им в возможности сохранить их рабочие места?

Это казалось ей неправильным, и все же мысль о том, чтобы снова заняться с ним любовью...

Старинные часы на каминной полке пробили полчаса, и ее охватила паника.

— Мне пора на совещание, — проговорил Данте, проведя подушечками пальцев по ее шее. — Итак, каково ваше решение? Вы позволите мне закрыть отель или дадите своим коллегам шанс? Все зависит только от вас.

Маккензи отстранилась, чтобы он не заметил, как она дрожит. Это была не дрожь отвращения, а реакция на его волнующую близость.

— И, разумеется, никаких гарантий?

— Жизнь не дает нам никаких гарантий, однако нам приходится каждый день принимать решения. Это всего лишь одно из них. Судьба «Эштон Хауса» зависит от вас. Решайте.

Маккензи зажмурилась, негодуя на свое тело за то, что оно так реагирует на этого мужчину.

Его требование возмутительно, и ей следует ему отказать. А еще лучше — отхлестать по щекам! Но, защищая свою честь, она погубит отель.

Был ли у нее на самом деле выбор?

— Да, — прошептала она, чувствуя, как по всему ее телу разгорается жар желания.

— Я вас не слышу.

Похоже, ему доставляло удовольствие ее унижать.

— Да, — громче повторила она. — Я согласна с вами спать.

Тогда Данте улыбнулся, и Маккензи почувствовала, как ее соски затвердели.

— Я знал, что ты благоразумная женщина.

И в чем же проявлялось ее благоразумие? Когда он подошел ближе, ее здравый смысл куда-то улетучился, а огонь, загоревшийся в его глазах, подавил в ней всякое желание сопротивляться. Страх перемешивался у нее внутри с вожделением. Она замерла в ожидании. Неужели он поэтому запер дверь? Неужели потребует от нее исполнения ее обязанностей прямо сейчас?

— У нас совещание...

— Повернись, — приказал он.

— Что?

— Повернись!

Глубоко вдохнув, Маккензи медленно повернулась лицом к столу.

— Что ты делаешь? — спросила она, чувствуя, как он задирает ей юбку. Когда его ладони скользнули по ее бедрам, она ближе придвинулась к столу, чтобы создать между ними дистанцию. Но Данте последовал за ней, прижав ее бедра к своим. И неожиданно рассмеялся.

— Чувствуешь, как сильно я тебя хочу?

Даже сквозь ткань его брюк она ощутила, как он был возбужден. Ее собственное желание по силе не уступало его, но она понимала, что еще не готова отдаться ему.

— Хватит, — взмолилась она, одновременно желая и не желая физической близости с ним. — Пожалуйста...

В ответ его жаркие губы коснулись ее шеи.

— Ты хочешь, — пробормотал он, щекоча ее кожу своим дыханием. — Ты хочешь меня.

— Не сейчас, — возразила она, хотя ее тело молило о продолжении любовных ласк. — Я обещала, что буду с тобой спать, но мне не нравится, когда со мной обращаются, будто с куклой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Как ей удалось пережить это собрание, Маккензи не знала. Особенно нелегко ей пришлось, когда Данте заявил, что она оставит должность менеджера и будет помогать ему оценивать рентабельность отеля. Взгляды сотрудников тут же устремились к ней.

О чем они подумали? Маккензи не сомневалась, что поползут слухи. Официантка в ресторане слышала последнюю часть их разговора, уборщица в коридоре наверняка удивилась, почему они кричали друг на друга. Кроме того, ее всегда безупречно уложенные волосы сегодня были небрежно подколоты на затылке. Она читала вопросы в глазах служащих и чувствовала, как ее щеки заливают краска.

Но затем Данте сообщил, что до принятия им окончательного решения все будет как прежде, и их внимание переключилось на него, а любопытство сменилось чувством облегчения. Их рабочие места сохранены, по крайней мере на какое-то время, и они успокоились. Маккензи была почти рада, что сделала такой выбор.

Почти.

До тех пор, пока кто-то не спросил, сколько времени ему понадобится, чтобы принять окончательное решение. Его ответ «неделя, может, две» показал ей, как мало у нее шансов убедить его в ценности отеля. В течение двух недель он будет ею пользоваться, а затем избавится от нее, как от ненужной вещи.

— Собирай чемодан, — сказал ей он, когда совещание закончилось и служащие вернулись к своим обязанностям. Его глаза были похожи на бездонные темные омуты страсти, и ее бросило в жар.

— Зачем?

— Мы уезжаем. После ленча.

— Но ты ничего не сказал о...

— У меня крупный бизнес, и это означает, что мне приходится много ездить.

В то время как ты можешь быть моей любовницей где угодно.

Непроизнесенные слова повисли между ними в воздухе. На Маккензи они подействовали как пощечина. Он ясно дал ей понять, что относится к ней как к шлюхе, но разве она могла жаловаться, когда сама своим поведением даже не попыталась изменить его мнение о ней?

— И куда мы едем?

— Сначала в Мельбурн, затем в Окленд. Мне нужно срочно закончить одно дело.

Если он пытался произвести на нее впечатление своей занятостью, это не сработало.

— Полагаю, мы должны быть польщены тем, что ты нашел время, чтобы сюда приехать.

Он смерил ее взглядом. Глаза, в которых только что горел огонь желания, стали вдруг холодными и безжизненными. Затаившаяся в них боль была почти осязаема.

— Я еду по личному делу. — Он закрыл глаза, а когда снова их открыл, все, что она увидела в них до этого, исчезло. Она могла бы подумать, что ей все померещилось, если бы холодный невидящий взгляд не потряс ее до глубины души.

Данте достал из бумажника визитку.

— Позвони моей помощнице и сообщи ей все подробности собрания. — Он помедлил. — У тебя есть паспорт?

Маккензи позволила себе улыбнуться, но тут же об этом пожалела. Зачем лишний раз его провоцировать?

— Разве без него я смогла бы тебя сопровождать в качестве любовницы?

Его глаза снова стали холодными.

— Только не надо вести себя так, будто ты не получила никакой выгоды от нашей сделки. Мы уезжаем в два. Будь готова.

Затем он резко повернулся и направился к двери.

— Разве у меня есть выбор? — бросила она ему вслед.

Данте оглянулся через плечо.

— Нет.

Когда Маккензи свернула на подъездную аллею, туман уже начал рассеиваться, и сквозь него кое-где стали видны лоскутки голубого неба. Впереди показались очертания старого каменного дома. Заехав в гараж, переоборудованный из конюшни, она посмотрела на часы. У нее еще есть время, чтобы заглянуть к соседке, миссис Гепп, и попросить присмотреть за ее кошкой Мисти, позвонить родителям и собрать вещи.

Внезапно осознав, что происходит, потрясенная Маккензи опустила голову на руль. В течение последних двадцати четырех часов она переспала со своим новым боссом, узнала, что ее любимый отель будет разрушен, потеряла работу и согласилась на унижительную роль любовницы.

Господи, что с ней творится? Несмотря на то, что ей хотелось нажать на педаль газа и уехать подальше отсюда, Маккензи заставила себя вылезти из машины. Она согласилась на эту сделку, и назад дороги уже нет. Разве могла она отказаться от единственной возможности спасти отель?

Поэтому ей пришлось взять себя в руки и заняться подготовкой к поездке.

Проще всего, оказалось, договориться с соседкой насчет кошки, гораздо труднее — солгать родителям, что она едет в командировку. Но сказать им всю правду она тоже не могла. Они поженились в «Эштон Хаусе» и вместе с друзьями отмечали каждую годовщину в ресторане отеля. С ним у них было связано много счастливых воспоминаний.

— Вопрос еще открыт, — сказала Маккензи, когда мать спросила ее о планах нового владельца отеля. — Возможно, скоро у нас будут новости. — Она скрестила пальцы, надеясь, что это правда.

Теперь ей осталось только собрать вещи. Раскрыв шкаф, она уставилась внутрь.

— Что носят любовницы? — спросила она у Мисти, которая терлась о ее ноги. Что бы они ни носили, большая часть ее гардероба явно не годилась. Поэтому ей пришлось удовольствоваться двумя парами брюк, несколькими топами и платьем, расшитым черными бусинами, которое она надевала последний раз несколько лет назад. Положив все это на диван, она вернулась за обувью, нижним бельем и аксессуарами. Вопреки всякой логике, она упаковала толстую фланелевую пижаму. По крайней мере, в такой одежде она будет чувствовать себя уютнее.

Переодевшись в черные брюки и мягкий вязаный топ, Маккензи сложила в маленький чемодан свой скромный гардероб любовницы.

Вдруг она услышала шорох гравия на подъездной аллее. Мисти вопросительно посмотрела на нее, прищурив глаз.

— Не спрашивай, — бросила она кошке, когда хлопнула дверца автомобиля. Но сердце подсказало ей, что это Данте, прежде чем она увидела на пороге его высокую широкоплечую фигуру.

Его лицо было мрачным, а глаза так сверкали от гнева, что у нее перехватило дыхание.

— Мне сказали, что ты уехала. — Это прозвучало как обвинение, но все же Маккензи не могла не ощутить сексуальную притягательность этого мужчины. Его близость опьяняла, воспоминания о прошлой ночи обволакивали ее подобно туману. Черт бы его побрал!

— Да, я уехала из отеля, и что? — раздраженно выпалила девушка, направляясь в кухню. Там она достала из холодильника банку кошачьего корма и, наклонившись, погладила вертевшуюся под ногами Мисти.

Поднявшись и обернувшись, Маккензи наткнулась на Данте. Ее сердце билось так громко, что она не слышала его шагов.

— Я пытался до тебя дозвониться, но твой телефон был отключен. — Еще одно обвинение.

Покачав головой, она отошла в сторону и постаралась взять себя в руки. Почему он так на нее злился? Потому что уже считал ее своей собственностью? Открыв ящик стола, она достала ложку.

— Я не отключала его. Просто...

— Я пытался дозвониться. Он был отключен!

Потянув за кольцо, она открыла консервную банку.

— Мой телефон включен, просто в горах иногда не бывает связи.

— Ты лжешь.

— А ты, видимо, спятил, раз примчался сюда, бряцая оружием. Решил, я пытаюсь сбежать?

— А ты пыталась?

Она презрительно фыркнула.

— Мне очень этого хотелось. Но, если помнишь, мы заключили сделку. Лично я помню, хотя ты и принудил меня к этому посредством шантажа.

Бросив крышку от консервной банки в раковину, она воткнула ложку в рыбную смесь.

— Но все же ты согласилась на эту сделку.

Он стоял между ней и миской Мисти, поэтому ей пришлось обойти его.

Присев на корточки, Маккензи наполнила миску кормом. Подняв хвост трубой, Мисти настороженно смотрела на незваного гостя и стала есть, только когда хозяйка ее погладила.

Значит, Данте обнаружил ее исчезновение, не смог ей дозвониться и решил, что она передумала, размышляла между тем девушка.

— Ты решил, что я сбежала, и, как пещерный человек, вознамерился затащить меня обратно в свою пещеру, не так ли? Как мило! Я и не подозревала, что настолько тебе безразлична.

Данте охватила ярость. Да, он разозлился, когда обнаружил ее исчезновение из отеля, и еще больше — когда узнал, как далеко оттуда до ее дома. Однако он совсем не беспокоился о том, что она могла нарушить условия их сделки. Она нуждалась в ней гораздо больше, чем он. Но когда он не смог ей дозвониться, у него возникли сомнения.

Бросив пустую банку в мусорную корзину, Маккензи вернулась к раковине, и он неожиданно подошел к ней и обхватил ее за плечи. Ложка выпала из ее рук и ударилась о кафельный пол.

— Ты хочешь увидеть пещерного человека? Я мог бы овладеть тобой прямо сейчас, — сказал он. — Я могу уложить тебя на стол и закончить то, что начал раньше.

Расширившиеся глаза девушки и участившееся дыхание сказали ему, что подобная реакция была вызвана не только шоком. Ее щеки покраснелись, затвердевшие соски проступили через ткань топа, но больше всего ее выдавали зеленые глаза, сверкающие от едва сдерживаемого желания. О да, она тоже этого хотела!

Маккензи высунула кончик языка, чтобы облизать пересохшие губы. Данте наблюдал за ней, словно зачарованный.

— Разве это не доказало бы мою правоту? — произнесла она дрожащим голосом.

Данте развернул ее лицом к себе.

— Прямо сейчас, — прошептал он, — мне наплевать на твою правоту. Потому что прямо

сейчас...

Он увидел, как в глубине ее зеленых глаз промелькнула паника, но ее быстро поглотило пламя страсти. Несмотря на все оскорбления в его адрес, она не могла дождаться, когда он снова сделает ее своей. И губы уже приоткрылись в ожидании поцелуя. Возможно, она сама даже этого не подозревала.

— Прямо сейчас, — повторил он в миллиметре от ее губ, — мы должны уйти, чтобы успеть на самолет.

Маккензи закрыла глаза, испытав одновременно смущение и разочарование, когда он отошел в сторону.

— Ты собрала вещи?

Она попыталась отвлечься, подняв ложку и вытерев пол, но отворачиваться не было смысла. Он уже видел красные пятна на ее щеках.

— Разумеется, я упаковала вещи, — произнесла она тоном, в котором слышался прежний вызов. — Но ты сказал, что мы уезжаем только в два.

— Планы изменились. Мы вылетаем из Аделаиды сейчас и отправляемся прямо в Окленд. Именно поэтому я и пытался до тебя дозвониться. Ты готова? Со всеми попрощалась?

Проигнорировав его вопросы, Маккензи фыркнула.

— Пойду схожу за сумочкой.

— Значит, ты живешь одна? — спросил Данте во время их короткого перелета в Мельбурн.

Это были первые слова, которые он сказал ей за долгое время. До этого он работал на ноутбуке и не обращал на нее никакого внимания. Но она, совсем не возражала против такого его поведения.

Она отложила книгу, благодарная ему за то, что он дал ей некоторую свободу, которой она не смогла бы насладиться в эконом-классе. Впрочем, Данте Карраццо вряд ли летал в эконом-классе.

— Ты был в моем доме, — наконец ответила она. — Ты там видел кого-то еще? — Данте прошел вместе с ней в ее комнату за чемоданом, небольшой размер которого его явно удивил. Он с любопытством разглядывал помещение, словно искал знаки, указывающие на присутствие в ее жизни мужчины. — Там живем только мы с Мисти.

— В таком случае кто такой Ричард?

О боже, они опять к этому вернулись. Но Данте Карраццо не из тех, с кем можно поделиться самым сокровенным.

— Да так, один старый знакомый.

— Любовник?

Маккензи чуть не рассмеялась. Ричард считал себя отличным любовником, но она никогда не

соответствовала его ожиданиям. Вспомнив, какую боль ей это причиняло, она нахмурилась.

— Какое-то время.

— Что произошло?

— Он мне солгал, после чего я больше не могла ему доверять.

— И в чем же заключалась его ложь?

На этот раз Маккензи издала горький смешок.

— Он был женат. Все то время, что продолжались наши отношения, его в Сиднее ждали жена и двое детей.

Данте некоторое время молчал, и она начала думать, что наскучила ему своими трогательными воспоминаниями.

— Прошлой ночью ты приняла меня за Ричарда.

— Неужели? Не могу себе представить, почему. — По крайней мере это было правдой. Ричард по книгам изучал технику секса и, похоже, активно применял приобретенные им знания на практике. Но, несмотря на его привлекательную внешность и обаяние, ему не удалось разжечь в ней огонь.

Ричард считал Маккензи фригидной. Он утверждал, что любит ее. Конечно, это была ложь, но у нее хватало проблем, и она радовалась, что он рядом и помогает ей. Первый ее роман тоже вышел неудачным, и она начала думать, что Ричард прав насчет ее фригидности.

До прошлой ночи, когда Данте закружил ее в вихре страсти. И он обещал это повторить, когда они останутся наедине. Что было такого в этом мужчине с грозными глазами, который заставил ее согласиться на сделку, при этом не дав никаких гарантий? Ведь ей следовало его ненавидеть, не так ли?

Ее размышления прервал голос пилота, сообщившего, что они скоро сядут в Мельбурне. Первая часть их путешествия почти закончилась. Убрав ноутбук, Данте начал просматривать какие-то документы, избавив ее тем самым от дальнейших расспросов.

Эдриан Стоукс, управляющий инвестициями Данте, встретил их в аэропорту. Высокий худой мужчина, с редкими светлыми волосами окинул ее любопытным взглядом, словно ракушку, подобранную на песке, после чего больше не обращал на нее никакого внимания. Мужчины говорили о делах, и вторую часть пути до Новой Зеландии она сидела отдельно от них и читала. Это вполне ее устраивало, хотя ей и не хватало ощущения близости Данте.

Теперь она поняла, что означало быть любовницей могущественного мистера Карраццо. Ее общество нужно ему только по ночам. В остальное время он намерен приумножать богатства своей империи. Она являлась для него небольшим разнообразием, средством развлечения на неделю, максимум на две.

И за эти две недели она должна убедить его не закрывать «Эштон Хаус».

Сегодня она вела себя глупо, оскорбляя Данте при каждой удобной возможности и испытывая его терпение. Разве можно думать только о себе, когда на карту поставлена судьба отеля и

нескольких десятков людей? Как она собирается добиваться расположения мужчины, отталкивая его?

Да, она всего лишь его любовница, но это вовсе не означает, что она не в силах на него повлиять.

Пусть у нее есть на это всего одна или две недели. Она больше не собирается терять ни минуты. И начнет прямо сейчас.

Данте уже наполовину разработал стратегию завтрашней встречи с главой «Куинн Боатбилдинг», когда его взгляд упал на Маккензи. Он удивился, когда она впервые не отвела глаза и не уткнулась в книгу. Еще больше он удивился, когда она улыбнулась. Что она задумала?

— Данте? — послышался голос Эдриана. — Ты меня слушаешь?

Данте повернулся:

— Да, конечно.

— Она хорошенькая, даже несмотря на нос.

Данте нахмурился. Нос как нос. Вполне симпатичный.

— Ее имя показалось мне знакомым, — добавил Эдриан.

— В этом нет ничего удивительного. Она бывший менеджер «Эштон Хауса».

Брови Эдриана взметнулись вверх.

— А-а, значит, это женщина.

— Как видишь.

Эдриан улыбнулся.

— И она согласилась поехать с тобой, зная, что потеряет работу, когда ты закроешь отель?

— Не совсем. Маккензи ясно дала мне понять, что она против закрытия отеля. Я заключил с ней сделку. Если она поедет со мной, я, возможно, изменю свое решение.

Эдриан широко улыбнулся, его глаза заблестели от удовольствия, что его посвятили в такую пикантную тайну.

— Ты сказал ей, что подумаешь?

Теперь настала очередь Данте улыбаться.

— Именно.

— Но ты ведь не собираешься менять свои планы насчет «Эштон Хауса»?

Данте посмотрел на Маккензи, которая снова углубилась в чтение. Ему почти было ее жаль. Почти. Затем он снова переключил свое внимание на столбики цифр.

— Ни в коем случае.

* * *

Было около трех часов ночи, когда черный лимузин привез их из оклендского аэропорта в отель, в котором Данте забронировал номер.

Несмотря на трудный день, Маккензи была напряжена как струна, когда портье вел их по коридорам спящего отеля в номер, в котором она должна была быть любовницей Данте.

Потребуется ли он от нее исполнения обязанностей сегодня ночью? После того как он два раза грозился овладеть ею прямо на месте, она в этом не сомневалась.

Их номер состоял из комнаты отдыха с мягкой мебелью, кабинета, столовой на восемь персон и спальни, в которой поместился бы обычный гостиничный номер. Большую ее часть занимала огромная двуспальная кровать с уютными подушками. Рядом с ней на столике стояло на подносе ведерко с бутылкой шампанского и два хрустальных бокала.

Но взгляд Маккензи был прикован к кровати.

Она нервно сглотнула. В такой постели можно затеряться. Затем она посмотрела на Данте, который распорядился насчет их чемоданов, и изменила свое мнение. Рядом с ним она никогда не потеряется. При этой мысли Маккензи задрожала. Каково будет делить с ним постель? Засыпать рядом с ним вечером и вместе просыпаться утром? Прижиматься к его крепкому мускулистому телу?

Скоро она это узнает.

Подойдя к окну, Маккензи раздвинула шторы и увидела панораму ночного города во всей ее красоте. Затем Данте отпустил портье и закрыл дверь. Наконец-то они остались одни. Наконец-то!

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Маккензи стояла, обхватив себя руками и трепеща в ожидании. Она слышала, как он вошел в комнату, но не стала оборачиваться, чтобы не выдать своих эмоций.

— Тебе что-нибудь нужно?

Она покачала головой.

— Нет. — Ее голос прозвучал хрипло и неестественно.

Она слышала, как он расстегивает свой портфель и достает оттуда бумаги.

— Тогда располагайся. Я скоро вернусь.

На этот раз она обернулась.

— Скоро вернешься?

Раздался стук в дверь.

— Должно быть, это Эдриан и финансисты, — сказал он, взяв ноутбук.

— Но ведь сейчас три часа ночи!

— Мы будем в кабинете и не побеспокоим тебя. — С этими словами он ушел, закрыв за собой дверь.

Маккензи рассеянно уставилась в окно. Кто назначает деловые встречи в три часа ночи? Она услышала приглушенные голоса и щелчок двери, затем все стихло. Легкость, с которой Данте ее оставил, подействовала на нее как пощечина.

Просидев, казалось, целую вечность перед телевизором, Маккензи в конце концов надела фланелевую пижаму и забралась под одеяло. Она совсем не разочарована, убеждала себя девушка. Тогда почему ей так грустно и одиноко?

Лучи восходящего солнца, проникшие в незашторенное окно, разбудили ее. Услышав звук льющейся воды в душе, она вспомнила, где находится, и ее охватила паника. Как она могла не заметить присутствия Данте в постели?

Она повернулась, но вторая подушка и простыня были нетронуты.

Он не ложился спать.

Через несколько минут Данте вышел из ванной. На нем было только махровое полотенце, обмотанное вокруг бедер. Его волосы были влажными и взъерошенными, а мускулистый торс мог бы послужить источником вдохновения для скульптора. Или для женщины.

Он и в костюме выглядел внушительным и сексуальным, а сейчас, обнаженный... Маккензи захотелось вновь испытать на себе его мужскую силу.

Под фланелевой пижамой ее кожу начало покалывать, грудь налилась, соски затвердели. Знал ли он, как сильно она его хочет?

Приподнявшись на постели, она немного опустила простыню, чтобы был виден вырез ее пижамы. В ответ Данте окинул ее холодным, бесстрастным взглядом и открыл дверцу шкафа.

— Доброе утро! Хорошо спала?

Она наконец выпалась, но по-прежнему чувствовала себя одинокой и покинутой.

— Думаю, лучше, чем ты.

— Да, у нас возникли кое-какие проблемы, но мы все уладили. — Данте непринужденно снял полотенце, и у нее перехватило дыхание при виде его наготы. — Чем ты планируешь сегодня заниматься?

Маккензи мысленно отругала себя за то, что надела эту дурацкую, похожую на скафандр пижаму.

Я готова заниматься тем, что ты планируешь, хотела сказать она, но не смогла. Она хотела, чтобы он сам к ней пришел. Она не станет его звать!

Бросив небрежный взгляд в ее сторону, он надел черные трусы, лишив ее последней надежды.

Он что, издевается над ней? Как она может быть его любовницей, если он даже не ложится с ней в постель?

— Как долго ты будешь отсутствовать?

— Сколько понадобится, — отрезал он, надевая костюм. — Почему бы тебе не пройтись по магазинам? Ты взяла с собой мало одежды. Можешь заглянуть в бутик внизу. Покупку тебе доставят прямо в номер.

Когда Данте завязывал галстук, в дверь позвонили, и он пошел открывать.

— Я заказал для тебя завтрак, — сказал он, вернувшись. — Кофе и круассаны. Пойдет?

И никакого секса? Нет, не пойдет!

— А я перекушу в офисе. — Он посмотрел на часы. — Если тебе что-то понадобится, позвони в службу отеля.

Маккензи тупо кивнула, зная, что служба отеля не даст ей то, чего она хотела.

Пусть катится на все четыре стороны! Она не станет ни о чем просить и унижаться. У нее еще осталась гордость.

* * *

Маккензи сходила с ума от скуки и с каждой минутой все больше злилась на Данте. Он привез ее сюда, настоял на том, чтобы она его сопровождала, даже поехал к ней домой. Для чего она пошла на эту жертву? Чтобы торчать в четырех стенах и ждать, когда у него найдется время для нее?

Как и полагалось любовнице, она прошлась по модным бутикам и ювелирным магазинам. Но ей быстро это наскучило, и она бесцельно бродила по улицам до тех пор, пока из-за дождя ей не пришлось вернуться в отель. Шел уже третий час, и ее негодованию не было предела. С тех пор как они покинули Аделаиду, прошли целые сутки, а он к ней так и не прикоснулся. И все же она продолжала ждать.

Маккензи легла на диван и начала теревить бахрому подушки, затем яростно швырнула ее, решив, что с нее хватит.

Значит, он занят? Где тот всемогущий завоеватель, который овладел ею, когда она спала в его постели? Неужели ему стыдно за то, что он вел себя как неандерталец? Она в этом сомневалась. Вряд ли ему известно, что такое стыд.

Нет, все дело в том, что она слишком долго сопротивлялась, и он перестал ее хотеть. Иначе почему он сегодня утром ее проигнорировал, когда она лежала в постели? Скорее всего, он понял, что совершил ошибку, и, возможно, уже распорядился, чтобы его секретарша забронировала для нее обратный билет.

Черт бы его побрал!

Сорок минут спустя, когда ее терпение уже было на пределе, послышался щелчок входной двери. Вернулся Данте. Она решила быть с ним помягче, но он лишь буркнул что-то в знак приветствия, когда увидел ее у окна.

Это стало последней каплей. Ее планы полетели к черту. Пещерный человек вернулся в свою пещеру, и взывать к его здравому смыслу бесполезно! Вряд ли уже что-то спасет отель.

Маккензи направилась в спальню, бросив в его адрес колкость, которую он определенно заслужил.

— Ну как, много мамонтов убил?

Данте нахмурился. Он был не в настроении выслушивать подобное. Он не спал тридцать с лишним часов, к тому же руководство «Куинн Боатбилдинг» оказалось несговорчивым. Острая на язык Маккензи только подлила масла в огонь. Он даже начал жалеть, что взял ее с собой. Ему следовало подчинить ее себе прямо в офисе, а не давать ей свободу.

О чем он, черт побери, думал? Это она ждала его в постели. Она пылко отвечала на его прикосновения. Она согласилась стать его любовницей. Никто не смел ставить условия Данте Карраццо, тем более женщина, предназначенная для сексуальных утех.

Он налил себе стакан виски, и залпом осушил его, наслаждаясь тем, как жидкий огонь обжигает горло. Сделка с «Куинн Боатбилдинг» угрожала сорваться. Разве он мог сконцентрироваться на сделке ценой в пятьсот миллионов долларов, когда все его мысли и мечты были лишь о той, что ждала его в отеле? Это безумно его раздражало, а она своим язвительным ответом дала ему понять, что его мечтам не суждено сбыться.

Данте услышал, как хлопнула дверца шкафа.

— Я сейчас не в настроении выслушивать твои колкости, — крикнул он.

— Жаль. Потому что я не в настроении говорить тебе любезности.

— Не помню, чтобы я просил тебя говорить мне любезности.

Она промелькнула мимо двери с ворохом одежды в руках.

— Ну конечно. Я забыла. Ты всего лишь просил меня быть твоей любовницей.

Раздраженно вздохнув, он налил себе еще виски. Черт побери, они похожи на ссорящихся супругов. Неудивительно, что он до сих пор не обзавелся семьей.

Отвернувшись, Данте уставился в окно. Неужели это та же самая искусительница, которая утром лежала в его постели? Что с ней произошло? Возможно, ему следует прямо сейчас отослать ее домой. В конце концов, он не собирался менять свое решение насчет отеля, да и ей, похоже, не очень нравилось соблюдать свою часть договора.

Он бросил взгляд в сторону спальни.

— До сих пор ты не имела ничего против того, чтобы быть моей любовницей.

Маккензи пронеслась мимо двери.

— Зато теперь я против.

Данте повернулся и сделал очередной глоток виски. Спустя пару минут она снова проскользнула мимо с косметичкой в руках.

Какого черта? Бросившись в спальню, Данте похолодел при виде того, как она яростно запикивает вещи в лежащий на кровати чемодан.

— Что ты делаешь?

— А ты не видишь? Я ухожу.

— Почему?

Застегнув чемодан, Маккензи взяла сумочку и посмотрела на Данте, стоящего в дверях. На ее щеках горел румянец, она часто дышала. Однако ее глаза были холодными как лед.

— Потому что это было ошибкой. Мне не следовало с тобой ехать. А теперь, пожалуйста, пропусти меня.

Данте не сдвинулся с места. Внутри у него все клокотало от гнева. Еще ни одна женщина не уходила от Данте Карраццо прежде, чем он сам хотел от нее избавиться.

— Мы заключили сделку, и ты согласилась на ее условия.

— Я не давала согласия на то, чтобы целый день торчать взаперти как наложница в ожидании своего господина.

Он подошел ближе.

— Многие женщины наслаждались бы такой возможностью.

Грудь Маккензи часто вздымалась и опускалась, выдавая ее волнение.

— Думаю, ты путаешь слова «наслаждаться» и «терпеть».

Его пальцы крепко стиснули бокал.

— Кажется, вчера ты наслаждалась моей близостью, — прорычал Данте.

Она гордо вскинула подбородок, румянец на ее щеках стал ярче.

— Я спала.

— Тогда, наверное, мне следует подождать до тех пор, пока ты не уснешь, — предположил он.

— А может, тебе следует просто перестать играть со мной в эти игры?!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Швырнув бокал в сторону, Данте в мгновение ока пересек комнату и прижал Маккензи к стене, прежде чем она успела что-либо сообразить. Затем его руки вцепились в ее одежду, а рот неистово обрушился на ее губы в жарком поцелуе.

Черт побери, он так долго этого ждал! Кровь стучала у него в висках, каждая клеточка его тела подчинялась зову плоти. Пришло время показать ей, для чего он ее сюда привез.

Как ни странно, вместо сопротивления он встретил ответную страсть. Ее желание в силе не уступало его. Отстранившись на мгновение, он задрал ей топ и, расстегнув бюстгальтер,

накрыл ладонями ее груди. Вздохнув, она укусила его за губу, и он почувствовал солоноватый вкус крови. Затем запустила пальцы в его волосы и притянула его голову к себе.

Ее запах был повсюду, ее вкус будоражил чувства. Данте поцеловал ее глубже, но не смог ею насытиться. Тогда его руки скользнули по ее юбке и задержались на упругих ягодицах. Она прижалась, к нему, но все же этого было недостаточно. Желание, безграничное и неистовое, наполняло все его существо, придавало ему сил. В следующую секунду он начал стаскивать с нее юбку, в то время как она с таким же рвением освобождала от пут одежды его возбужденную плоть.

— Ты предохраняешься? — спросил он, немного помедлив.

— Да, я принимаю таблетки.

Он приподнял ее и, когда она обхватила его ногами, подчинился своей судьбе. Ее спина выгнулась дугой, голова запрокинулась, и он одним толчком вошел в нее.

— Тебе нравится? — спросил он, наблюдая за ней.

В ответ она лишь пробормотала что-то нечленораздельное и крепче вцепилась в него, словно, не желая отпустить.

— Скажи, — настаивал он. — Скажи сейчас, что тебе это не доставляет удовольствия.

Маккензи покачала головой и посмотрела на него невидящим взглядом.

— Еще, — прошептала она.

Тогда он проник в нее глубже.

— Скажи, что ты не хочешь меня.

Маккензи прильнула к нему, ее веки закрылись. Тогда он задвигался быстрее, и она тут же подхватило его ритм.

— Скажи мне! — потребовал он, желая наказать ее за то, что заставила его ждать.

Ее лоб блестел от пота, дыхание было прерывистым.

— Не могу, — выдохнула Маккензи.

Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он опустил ее на пол и... увидел слезы в широко раскрытых глазах.

— Ты плачешь? — спросил он, утирая влагу с ее щек.

Зажмурившись, Маккензи неистово замотала головой.

— Тогда в чем дело?

Она посмотрела на него, и ее зеленые глаза сверкнули, как два изумруда.

— Просто... спасибо. Фантастика!

Данте переполняла гордость. Она будет его до тех пор, пока не надоест ему. Уж он постарается насытиться ею!

Они прошли в спальню, где и продолжился головокружительный марафон страсти.

— Мы сегодня ужинаем в ресторане, — сонно пробормотал Данте, когда все закончилось. — Разбуди меня в семь.

Приняв душ, Маккензи тихо, чтобы не потревожить Данте, принялась распаковывать свои вещи. Он лежал на животе, повернув голову набок и раскинув руки в стороны, давая ей возможность полюбоваться его широкой мускулистой спиной.

Не холодно ли ему? Она бы укрыла его одеялом, но боялась разбудить. Кроме того, ей доставляло удовольствие смотреть на него. При воспоминании об их близости, сердце забилося сильнее, а кожу начало покалывать.

Господи, как же она его хотела! Маккензи никогда прежде не испытывала такой всепоглощающей страсти.

Достав из шкафа черное платье и надев его, она позволила себе улыбнуться. От ее разочарования не осталось и следа. Напротив, она чувствовала себя живой и желанной.

Застегнув платье, Маккензи подошла к большому зеркалу. Платье сидело плотнее, чем раньше, но она не придавала этому значения. Ведь она в последний раз надевала его несколько лет назад.

Затем девушка подняла волосы, оставив по бокам несколько мягких локонов, и нанесла макияж. Она осталась довольна результатом. Даже горбинка на носу, которую она так ненавидела, была почти незаметна.

Маккензи ощутила прилив оптимизма. Несомненно, Данте ею доволен. Возможно, если она продолжит доставлять ему удовольствие в постели, ей удастся убедить его не разрушать отель.

Когда девушка застегивала косметичку, ее взгляд упал на противозачаточные таблетки. Пройдя в ванную и налив стакан воды, она вдруг обнаружила, что таблеток в упаковке осталось больше, чем должно было.

Тогда ее осенило. Она пропустила прием два раза — во время той роковой ночи в отеле и по прибытии в Окленд, когда было слишком поздно и она ничего не соображала.

А ему она сказала, что предохранялась! Маккензи села на край ванны. Следует ли ей признаться в своей ошибке или подождать? Нет смысла беспокоить его раньше времени. К тому же что-то подсказывало ей, что Данте вряд ли станет ее слушать. Кроме того, риск невелик. Многие женщины месяцами не могут забеременеть, а тут после двух раз... Вряд ли.

Маккензи посмотрела на часы. Пора будить Данте. Поднявшись, она взяла дрожащей рукой две таблетки и проглотила их, запив водой. Все обойдется! Жизнь не может быть к ней столь жестока.

Вернувшись в спальню, Маккензи тихо позвала Данте. Он даже не пошевелился. Его дыхание было ровным и глубоким, веки слегка подрагивали. О боже, до чего же он красив! Присев на кровать, она провела рукой по его плечу и коснулась губами его щеки.

— Данте, — снова позвала она, целуя его в уголок рта.

Он приоткрыл один глаз, и в следующую секунду ее макияж был безнадежно испорчен, а тревоги из-за непринятых таблеток забыты.

— Стюарт Куинн — владелец и исполнительный директор отделения «Куинн Боатбилдинг Энтерпрайзис» здесь, в Окленде, — объяснил ей Данте по пути в ресторан.

Они успевали на восьмичасовую встречу, что было настоящим чудом, учитывая, что ей пришлось подправлять макияж и переделывать прическу.

— Куинну, — продолжил он, — принадлежит двухсотметровая полоса земли в прибрежной зоне, которая требует благоустройства. Его бизнес топчется на месте и нуждается в модернизации. У него не хватает наличных средств, ему не дают заем, но продавать землю он отказывается наотрез.

— Почему он не может получить заем? Земля, должно быть, стоит целое состояние.

— Он уже занял под нее средства, чтобы поддержать своего сына, но бизнес того в конце концов прогорел. Банк больше не даст ему кредит.

Маккензи нахмурилась.

— Откуда ты знаешь?

— Все очень просто. Мне принадлежит контрольный пакет акций его банка.

— Значит, ты собираешься заставить его продать землю?

— Банк должен обеспечивать прибыль своим акционерам, одним из которых являюсь я. Кому нужен лишний риск?

— Почему бы тебе не дать ему шанс?

— Послушай, я не стал бы тем, кем являюсь сейчас, если бы вечно ждал у моря погоды. Это не работает. Я считаю, что, если ты хочешь чего-то добиться в этом мире, ты должен смело двигаться вперед. А если ты отказываешься от своего шанса, ты его не заслуживаешь. Победителю достается все.

Маккензи откинулась на спинку сиденья. Данте Карраццо снова напомнил ей о том, каким безжалостным он может быть. После его ласк она об этом забыла, и ей стало не по себе. Она очень рискует, если позволит ему усыпить ее бдительность.

— Скажи, зачем нужно мое присутствие на этом ужине?

— Дело в том, что Стюарт приведет с собой свою жену Кристин. От тебя требуется развлечь ее, пока я буду работать со стариком.

— То есть загонять его в угол?

— Нет, взывать к его здравому смыслу.

— А Эдриан там будет?

Данте оглянулся.

— Почему ты спрашиваешь?

Маккензи отвернулась, сделав вид, что любуется панорамой гавани.

— Ну, он твоя правая рука, и я подумала...

— Нет, — ответил Данте. — Эдриана не будет.

Девушка облегченно вздохнула. Что-то ее настораживало в этом человеке, и он ясно дал ей понять, что тоже ее не жалует. Машина остановилась возле прибрежного ресторана в виде яхты.

Стюарт и Кристин Куинн уже ждали их в баре. Стюарт был пожилым мужчиной с белыми как снег волосами и обветренным морщинистым лицом, но его взгляд оставался живым и пронизательным. Кристин в своем голубом костюме являлась воплощением элегантности, ее возраст выдавали только морщинки возле губ, когда она улыбалась. Маккензи сразу почувствовала к ней расположение.

— Какое необычное имя для женщины, — вежливо заметила Кристин, когда их представили друг другу. — Впервые сталкиваюсь с подобным.

— Это давняя семейная традиция, — улыбнулась Маккензи. — В нашей семье так обычно называют мальчиков-первенцев.

— А ваши родители решили нарушить традицию?

— В каком-то смысле. Они вообще уже отчаялись иметь ребенка. Я была зачата путем искусственного оплодотворения, и они подумали, что у них может больше не быть шанса соблюсти традицию. Поэтому они назвали меня Маккензи и дали мне второе имя Роуз, чтобы полное имя звучало более женственно.

— Маккензи Роуз, — произнесла Кристин, словно пробуя ее имя на вкус. — Мне нравится. Оригинально и женственно. Думаю, оно вам подходит.

После короткого обмена любезностями они прошли за столик у стеклянной стены с видом на гавань, залитую лунным светом.

— Итак, скажите мне, зачем мы здесь собрались, Данте? — сухо произнес Стюарт, когда они сделали заказ. — Я думал, во время нашей дневной встречи всем уже стало ясно, что переговоры зашли в тупик.

Маккензи почувствовала, как напрягся сидящий рядом с ней Данте.

— Полагаю, решение можно найти всегда. Уверен, что мы сможем найти выход из тупика, если подойдем к этому делу с другой стороны.

— Но я не хочу продавать вам землю, если вы по-прежнему собираетесь закрыть верфь и застроить территорию многоквартирными домами. Если вы думаете, что, приведя с собой красивую женщину, заставите меня изменить решение, то ошибаетесь. Верфь находится на этом месте уже семьдесят пять лет. Там работали и работают несколько поколений служащих. Было бы несправедливо по отношению к ним стереть ее с лица земли.

Губы Данте сжались в тонкую бледную линию.

— Тогда почему бы вам не взять деньги, которые я предлагаю, и не переместить ее?

— Зачем мне это, если меня вполне устраивает ее нынешнее местоположение?

Данте положил салфетку на стол.

— А почему вы думаете, что я позвал вас сюда, чтобы обсуждать дела?

Бросив на него скептический взгляд, Куинн обратился к Маккензи:

— Скажите мне, юная леди, какова сегодня ваша роль? Вы будете пытаться задобрить меня, чтобы я изменил свое решение и заключил сделку с Данте?

— Стюарт! — осадил мужа Кристин.

— Напротив, — возразила Маккензи без малейшего раскаяния, — по собственному опыту сотрудничества с Данте я считаю, что вам следует подождать более выгодного предложения. Даже если оно будет исходить от кого-то другого.

Глаза Данте неистово сверкнули. В них читалось предупреждение.

— Правда? — недоверчиво спросил Стюарт. — И какого, по-вашему, предложения мне следует ждать?

Маккензи окинула нервным взглядом всех присутствующих.

— Прошу прощения, возможно, это вам покажется безумием, но, исходя из той небольшой информации, что мне известна, я думаю, в предложении Данте есть выгода для вас обоих.

Рука Стюарта протестующе взметнулась вверх.

— Меня не интересуют многоквартирные дома. К тому же перемещение верфи все равно не освободит необходимую площадь для масштабного жилищного строительства. Я уверен, у Карраццо с его планами ничего не получится.

— Тогда, возможно, ему следует скорректировать свои планы? Почему бы вам не заняться ими вместе? Насколько я поняла, земли более чем достаточно. Места хватит и для жилищного комплекса, и для модернизированной верфи. Почему бы вам из противников не превратиться в партнеров? Таким образом, ничьи интересы не пострадают, и вы оба выиграете. А у Данте было бы больше шансов добиться расположения местной администрации.

— Маккензи, — перебил ее Данте, — достаточно. — Он обратился к Стюарту: — Как Маккензи заметила, она незнакома со всеми деталями проекта.

Проигнорировав его слова, Куинн продолжал задумчиво наблюдать за ней.

— Вы определенно не такая, какой я ожидал вас увидеть, юная леди. Ваша идея смогла бы устранить противоречия между нами, но проблема заключается в том, что мы с Карраццо оба одинокие волки, когда дело касается бизнеса. Не уверен, что мы смогли бы сотрудничать. А вы что об этом думаете, Карраццо?

Маккензи посмотрела на своего спутника. Его губы были плотно сжаты, глаза сверкали

ледяным огнем, и она поняла, что взяла на себя слишком много.

— Я думаю, — наконец произнес он, — что нам следует отложить на время разговор о делах и насладиться ужином.

— Какого черта?!

Ужин закончился. Это был довольно приятный вечер, несмотря на некоторое напряжение между мужчинами. Пока они ехали домой, Данте не произнес ни слова и ворвался в вестибюль отеля, как разъяренный лев.

Сейчас он стоял посреди гостиной со стаканом виски в руках.

— Ты о чем?

— Что заставило тебя заговорить с Куинном о сотрудничестве?

Передернув плечами, Маккензи бросила на кофейный столик расшитую бисером сумочку.

— Не знаю. Просто мне это показалось логичным. Куинну нужны средства для модернизации его судостроительного бизнеса, ты мешаешь ему получить заем и к тому же собираешься превратить всю прибрежную территорию в жилой район. Почему бы тебе не построить нечто большее, чем скучные ряды многоэтажек, и не сохранить бизнес, история которого насчитывает вот уже три четверти века?

— Я не имею никакого отношения к строительству судов.

— А по-моему, ты вообще не имеешь отношения ни к какому строительству!

— Не говори чушь. Я построил целую империю. На пустом месте!

— С какой целью? Чтобы разрушать все, что встает на твоем пути? Сколько отелей ты уже уничтожил?

— Я построил на их месте...

— Что? Безликие бетонные коробки? Это не строительство, а заклеивание пластырем шрамов, которые ты оставляешь после себя. Теперь на очереди «Эштон Хаус» и «Куинн Боатбилдинг».

— «Эштон Хаус» и «Куинн Боатбилдинг» никак не связаны друг с другом!

— Неужели? Кажется, ты разрушаешь все, до чего дотрагиваешься.

— Ты меня слышишь? Я сказал: *никак!*

Маккензи услышала боль, прячущуюся за этими словами.

— И каковы твои цели в каждом из этих случаев? Насколько они отличаются?

Он отвернулся.

— Поверь мне, они совершенно разные.

— Я не понимаю.

— А я не понимаю, почему ты предложила такое Куинну. Я ожидал большего от человека из своей команды.

— Я работаю в своей собственной команде и добиваюсь своих собственных целей.

— И что же было твоей целью на этот раз? Сорвать мне переговоры, которые и так уже дышали на ладан?

— Черт побери, ты прекрасно знаешь, чего я хочу. Помешать тебе разрушить «Эштон Хаус». Заставить тебя понять ошибочность этой затеи.

Подойдя ближе, он медленно покачал головой. Его лицо выражало триумф.

— Нет, это не так. Ты думаешь, что тебя сюда привела благородная цель, но я знаю, чего ты хочешь на самом деле. За последние двадцать четыре часа ты своими уловками и невинным заигрыванием ясно дала мне понять, что хочешь меня соблазнить. Именно этого ты добивалась сегодня утром, когда будто случайно опустила одеяло, приоткрывая вырез на груди. Должно быть, пожалела, что вырядилась в пижаму.

Маккензи покачала головой, потрясенная тем, как точно он угадал ее намерения.

— А когда это не вышло, — продолжил Данте, — ты пришла в отчаяние и поняла, что, если сделаешь вид, что уходишь от меня, я разозлюсь и захочу тебя остановить. Что я и сделал, к нашей взаимной выгоде.

— Нет. — На этот раз она сказала правду. — Я действительно хотела уйти. С меня было достаточно.

— Нет, черт побери, недостаточно! Именно это сводило тебя с ума, не так ли? Признайся, Маккензи, ты здесь не для того, чтобы спасти «Эштон Хаус». Ты здесь потому, что хочешь меня. В моей постели, на кухне — где угодно, черт побери!

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Грубые слова Данте больно отразились в сердце Маккензи, хотя в них, безусловно, и была доля истины. Да, ей очень хотелось спасти «Эштон Хаус» — именно поэтому она и согласилась на сделку, — но отрицать свои чувства к стоявшему перед ней мужчине бесполезно!

— Можешь думать что угодно, — прошептала она, — но я скажу тебе лишь одно. Для чего бы я здесь ни находилась, но уж точно не для того, чтобы спасти твою проклятую сделку. Если ты так твердо намерен уничтожить любой бизнес, встающий на твоём пути, и не способен видеть преимущества, которые может тебе дать сотрудничество с Куинном, ты недостоин заниматься бизнесом.

— Ты ничего в этом не понимаешь.

— Я считаю, что один из вас должен был, по крайней мере, обдумать мое предложение. Мне интуиция подсказывает, что, приняв подобное предложение, ты имел бы не только прибыль от каждого судна, но еще и одобрение местной администрации на твое собственное строительство.

— Это всего лишь предположение.

— Разумеется, предположение. Я не знаю цифр, но подозреваю, что, если ты будешь вести правильную игру, тебе, возможно, удастся получить в два раза больше земли под строительство домов. Возможно, доход от сделки будет меньше, чем ты ожидал, зато в будущем ты сможешь рассчитывать на прибыль от «Куинн Боатбилдинг». Давай посмотрим правде в глаза. Как еще ты собираешься получить разрешение на закрытие верфи и строительство жилых домов? Куинн полагает, что мое предложение может сработать.

— Он смеялся над тобой.

— Неужели? Что ж, по крайней мере он меня выслушал, черт побери! Но, возможно, ты прав. Наверное, для Куинна будет лучше не иметь с тобой дел. А сейчас, если ты позволишь, я пойду спать.

Подойдя к ней, Данте снял галстук и расстегнул рубашку.

— Это первая разумная вещь, которую ты сказала за весь вечер.

От его близости Маккензи бросило в жар, и она испуганно отпрянула. Ей было обидно до слез. Ведь он ясно дал ей понять, что у нее нет права высказывать свои идеи. Она для него лишь объект вожделения.

Девушка гордо вскинула голову.

— Я имею в виду одна.

— Я тоже. — Допив остатки виски, он направился в кабинет. — Надевай свои фланелевые доспехи и не жди меня.

Она и не собиралась его ждать, повторяла про себя Маккензи, ворочаясь с боку на бок на широкой кровати.

Однако сон не шел. Тело было слишком напряжено, а все мысли были заняты Данте Карраццо. Мужчиной, который одновременно был безжалостным разрушителем и щедрым любовником. Мужчиной, которого она нисколько не хотела.

Тогда почему ей было так больно, когда он ее отверг?

Судя по смятым простыням и разбросанным по всей кровати подушкам, она спала плохо. Волосы закрывали большую часть ее лица, в вырезе топа виднелась верхняя часть кремовой груди. Данте глубоко вдохнул, чтобы прогнать мысли о прибыли и инвестициях, и почувствовал ее нежный волнующий аромат. И уже в следующее мгновение он, желая как можно скорее к ней прикоснуться, начал быстро снимать с себя одежду.

Будет ли Маккензи злиться на него, когда проснется? В глубине души он надеялся на это. Ему нравилось, когда его любовница превращалась из пушистой, кошечки в воинственную тигрицу, и он собирался сполна наслаждаться тем, что она могла ему предложить.

Данте лег рядом с ней и, приподнявшись на локте, невольно залюбовался ею. Затем он придвинулся ближе и, не в силах устоять перед ее красотой, провел ладонью по изгибу ее бедра. Маккензи пошевелилась и откинула волосы с лица. Ее зеленые глаза распахнулись и наполнились удивлением, когда остатки сна рассеялись.

Затем она отпрянула, возмущенно глядя на него. Круги под ее глазами свидетельствовали о недостатке сна. Но Данте, вместо того чтобы ее отпустить, наклонился и нежно поцеловал ее в губы.

Она подозрительно посмотрела на него, натягивая одеяло на грудь.

— Зачем это?

— Чтобы тебя отблагодарить.

Ее глаза сузились.

— За что?

— За то, что ты спасла мою сделку.

Маккензи резко приподнялась, но в ее глазах по-прежнему было недоверие.

— Ты, наверное, шутишь.

Данте покачал головой.

— Нет. Это будет нелегко, но вполне осуществимо. Я запланировал на сегодня встречу с Куинном.

В течение нескольких секунд Маккензи молча смотрела на него.

— Это хорошо, — наконец произнесла она. — Я рада за Стюарта Куинна и людей, которые на него работают.

Данте стиснул зубы. Ничего не поделаешь! Вряд ли после своей вчерашней критики в ее адрес он был вправе рассчитывать на более теплый прием.

— Мне следовало тебя послушать, — признался он, снова погладив ее бедро. — По крайней мере дать тебе договорить.

— Да.

Его рука скользнула выше и слегка задела ее грудь. Маккензи фыркнула, но не оттолкнула его. Ее дыхание участилось, зеленые глаза потемнели от желания.

— Я знаю, что обидел тебя, поэтому хочу сказать, что был не прав.

— Ты просишь прощения? У меня?

Данте улыбнулся.

— А что здесь такого? Я тоже могу ошибаться. — Он накрыл ладонью ее грудь и, нащупав затвердевший сосок, захотел большего. Тогда он откинул одеяло и, задрав ей топ, прильнул губами к этому нежному бутону. — Не уверен, что имя Маккензи тебе подходит. Роуз гораздо лучше. Оно подходит к этим... — Он переключил свое внимание на другой сосок.

Маккензи вздохнула.

— Который час?

— Около шести утра, — прошептал он, на мгновение оторвавшись от ее груди.

— И ты только что лег в постель?

— Да.

— Ты опять работал всю ночь?

Его губы скользнули вниз по ложбинке на ее груди.

— Виноват.

— Ты уверен в том, что ты человек, а не сова?

Рассмеявшись, Данте покрыл поцелуями ее живот.

— Вполне, — ответил он, спуская ее пижамные брюки и ложась поверх нее. — Значит, ты принимаешь мои извинения?

— Пока не знаю, — поддразнила его она.

Тогда он поцеловал пульсирующую жилку на ее горле.

— Могу я попытаться искупить свою вину?

Улыбнувшись, Маккензи раздвинула ноги:

— Попробуй!

Маккензи разбудил телефонный звонок, и она, воспользовавшись тем, что Данте, похоже, теперь надолго был занят разговором, побежала в ванную. Ее волосы растрепались, губы припухли, на груди виднелся небольшой след, оставленный его щетиной. Одним словом, она была в полном беспорядке.

Включив душ, Маккензи улыбнулась. Данте соблазнил ее, чтобы заслужить ее прощение. А она еще убеждала себя прошлой ночью, что не хочет его! Кого она пыталась обмануть? Безусловно, от Данте зависела судьба «Эштон Хауса», но она хотела его для себя.

Маккензи встала под теплые струи. Что было в этом плохого? Почему они оба не могут наслаждаться друг другом, пока длится их соглашение? Все, что от нее требуется, — это не терять голову. А она всегда была благоразумной и не собиралась влюбляться в неподходящего мужчину. Однажды она уже совершила подобную ошибку. По крайней мере на этот раз ее сексуальный партнер не уйдет от нее из-за ее фригидности.

Похоже, теплая вода сотворила с ней чудо. Через десять минут она вышла из ванной будто заново родившейся. Данте по-прежнему разговаривал по телефону. Она не сомневалась, что его собеседником был Стюарт Куинн.

Увидев ее, Данте улыбнулся. Ее сердце радостно подпрыгнуло, и она на мгновение замерла на месте, затем повернулась и побежала обратно в ванную.

Данте заглянул туда несколько минут спустя.

— С тобой все в порядке? Ты выглядела так, словно повстречала привидение.

Улыбнувшись, Маккензи принялась сушить полотенцем волосы.

— Все отлично, — солгала она, чувствуя, как ее пульс снова учащается в присутствии обнаженного Данте.

— Хорошо, — ответил он, включая душ. — Куинн приглашает нас сегодня к себе на яхту. Он загорелся предстоящей сделкой и очень хочет тебя видеть.

— Мне понравился Стюарт Куинн, — кивнула Маккензи, выходя из ванной. — Я с удовольствием принимаю его приглашение.

— Я заказал для нас завтрак, — бросил ей вслед Данте. — Его скоро принесут.

Какое счастье, потому что Маккензи умирала с голоду. Едва она закончила одеваться, как появился официант с тележкой. Крышки мешали посмотреть, что находится на тарелках, но ароматы от них исходили аппетитнейшие.

Поставив тарелки на стол, официант налил кофе в две чашки и удалился. Через пару минут из ванной вышел Данте в белом махровом халате, который изумительно контрастировал с его оливковой кожей. В его растрепанных черных волосах поблескивали капельки воды. Он запросто мог бы рекламировать средства для бритья.

— Ты голодна? — спросил он, выдвигая стул.

— Просто умираю с голоду.

— В таком случае, — он указал на закрытые фарфоровыми крышками тарелки, — может, тебе следует посмотреть, что там?

Очевидно, Данте хотел произвести на нее впечатление своей щедростью, но Маккензи, несмотря на голод, не стала проявлять особого энтузиазма. Немного помедлив, она подняла крышку первой тарелки и обнаружила яичницу с лососем. Во второй тарелке оказалась горка жареного бекона с грибами, в третьей — блинчики, к которым была подана чаша спелой клубники и джем.

Затем Маккензи подняла четвертую крышку и обнаружила под ней то, чего ей никогда еще не приносили в номер отеля вместе с завтраком.

— Что это? — спросила она, уставившись на плоскую коробочку на серебряном подносе. Ее охватил страх. — Данте?

— Это сюрприз, — сказал он. — Открой.

Она покачала головой.

— Я не понимаю.

— Просто открой.

Дрожащими руками Маккензи взяла коробочку и, открыв ее, забыла о голоде. На черном

бархате лежала восхитительная подвеска с изумрудами и бриллиантами на золотой цепочке, а рядом с ней соответствующие серьги.

Нахмурившись, она снова покачала головой.

— Не понимаю, откуда это взялось.

— Доставили из ювелирного магазина внизу, — произнес Данте. — Бери. Это мелочь.

— Ничего себе мелочь! Они великолепны. Только не говори, что они настоящие.

Подойдя к Маккензи, Данте взял из коробочки подвеску и надел ее ей на шею. Девушка почувствовала тепло его пальцев и прикосновение холодных камней к ее груди. Она приподняла подвеску, чтобы получше ее разглядеть, в то время как Данте аккуратно вставил в мочки ее ушей серьги. Затем он взял ее за руку и подвел к большому зеркалу.

— Я хотел подарить тебе что-нибудь, что подходило бы к твоим глазам, — сказал он, убирая назад ее волосы. — Тебе нравится?

Драгоценные камни сверкали при каждом ее движении, придавая еще больше яркости ее глазам. Сколько стоит такой комплект? Она даже боялась предположить. А если она его примет, ей это дорого обойдется.

— Они очень красивые, — призналась Маккензи, — но дело не в этом.

— Как раз в этом, — возразил Данте, положив руки ей на плечи и наклонившись, чтобы поцеловать ее в шею. — Ты моя любовница. Почему я не могу немного тебя побаловать? Особенно после того, как ты спасла очень важную для меня сделку.

От его прикосновений у нее внутри началось разливать тепло, однако его слова подействовали на девушку как ушат холодной воды. Значит, украшения — плата за оказанные услуги?

Это неправильно! Такой подарок должен быть свидетельством любви. В противном случае он утрачивал ценность.

Да, она согласилась стать любовницей Данте Карраццо, но не нуждалась в вознаграждении.

— Данте, они очень красивые, — призналась она и увидела, как его глаза победоносно засверкали. — Но я не могу их принять. Я согласилась на эту сделку не для того, чтобы ты забрасывал меня подарками. Если тебе вдруг вздумалось стать великодушным, есть кое-что другое, чего мне хотелось бы гораздо больше. — Отстранившись, она сняла серьги и подвеску и положила их обратно в коробочку.

Данте наблюдал за ней в зеркало. Его лицо вновь приняло привычное суровое выражение.

— И что это все значит? — спокойным тоном спросил он, однако Маккензи чувствовала, что надвигается буря.

— Ты прекрасно знаешь, почему я здесь. Ты обещал мне подумать насчет будущего «Эштон Хауса».

Обернувшись, Данте указал на футляр у нее в руках.

— И это запрещает мне делать тебе подарки?

— Это означает, что меня нельзя купить с помощью утешительных призов.

— Думаешь, я пытаюсь тебя купить?

— А разве это не так? Послушай, Данте, для меня важно спасти «Эштон Хаус», а не получать в подарок бесполезные безделушки за то, что я с тобой сплю.

— Бесполезные безделушки. — Его голос был холодным как лед, когда он отнял у нее футляр с украшениями и положил на поднос.

— Тогда, может, скажешь, приблизился ли ты к принятию решения... — осторожно произнесла она.

— Нет.

— Не приблизился или не скажешь?

— Когда я приму решение, я дам тебе знать. А сейчас ешь завтрак, пока он не остыл.

Вряд ли он станет таким холодным, как взгляд Данте, которым он пронзил ее только что.

Маккензи молча ковыряла вилкой в тарелке. У нее пропал аппетит, и еда казалась ей безвкусной. Данте потягивал кофе, гордый и неприступный как скала. Он сам навязал ей условия сделки, но, казалось, был возмущен тем, что она посмела ему об этом напомнить.

Пусть привыкает. В ближайшее время она будет часто напоминать ему об этом.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Утренние тучи рассеялись, и вода оклендской бухты Вайтемата искрилась в лучах полуденного солнца. Мимо то и дело на большой скорости проплывали моторные лодки, и Маккензи, стоя на открытой палубе яхты, наслаждалась порывами свежего ветра и видом белых брызг. Неудивительно, что Окленд называют городом парусов, думала она, оглядывая оживленную гавань, полную всевозможных судов.

Когда немного похолодало, Кристин и Маккензи прошли в каюту с деревянным полом и удобной мягкой мебелью.

Данте стоял рядом с Куинном у штурвала и внимательно его слушал. Время от времени до Маккензи сквозь рев моторов доносились отдельные слова, и она поняла, что они говорили о судостроении. Данте определенно не терял времени даром и рассчитывал как можно скорее получить прибыль от своих последних инвестиций. Неподалеку от них стоял Эдриан, делая вид, что с интересом следит за их разговором, но его жесты и хмурое лицо говорили обратное.

Вскоре они сошли на песчаный берег одного из островков бухты и отправились к площадке для пикников, находившейся неподалеку от пляжа.

— Должен сказать, Данте, — произнес Куинн, когда они сели за стол, — я очень удивился, когда вы мне позвонили сегодня утром. Я знал, вы не из тех, кто так просто уступает, и, честно признаюсь, не ожидал, что вы сделаете мне такое предложение. Я думал, вы не пожелаете заниматься модернизацией судостроительного бизнеса.

Откинувшись на спинку стула, Данте посмотрел на Маккензи. Хотя он был в темных очках и напряжение, установившееся между ними после утренней размолвки, никуда не исчезло, его близость по-прежнему действовала на нее гипнотически.

— Сначала я тоже так думал, но что-то не давало мне покоя.

Эдриан еще больше нахмурился, в то время как Куинн перехватил взгляд Данте и озорно подмигнул Маккензи.

— Скажите мне, Маккензи, кто вы по образованию? Учитывая ваш интерес к этому делу, полагаю, вы имеете какое-то отношение к недвижимости или строительству.

— Маккензи работала менеджером в отеле в Аделаиде, — ответил за нее Данте.

Девушка улыбнулась, хотя и была возмущена его поведением. Да, он был ее любовником, но это не давало ему права говорить за нее.

— Это правда. Хотя в данный момент я без работы, не так ли, Данте? — Она обратилась к Кристин, не давая ему возможности ответить: — Это действительно был хороший отель в Холмах Аделаиды, под названием «Эштон Хаус». Возможно, вы слышали о нем.

— О, я его знаю, — воскликнула Кристин. — Помнишь, Стюарт? Мы были там на праздновании свадьбы Джона Грува несколько лет назад. Потрясающее место!

Куинн кивнул и широко улыбнулся.

— Конечно, помню. Действительно, место замечательное. Там очень живописные пейзажи.

Заметив, как напрягся Данте, Маккензи улыбнулась в ответ.

— Я провела в отеле три чудесных года, — сказала она, надеясь, что до него дойдет смысл ее слов, — а до этого два года проработала в фирме, которая превращала ветхие здания в конкурентоспособную недвижимость.

— А-а, — произнес Куинн. — Это многое объясняет. Учитывая то, что сейчас вы без работы, дайте мне знать, если снова захотите работать в этой сфере. Здесь, в Окленде, у меня есть несколько партнеров, которые по достоинству оценили бы ваши таланты.

— Спасибо, я вам очень признательна за это предложение.

— Не думаю, что у нее найдется свободное время, — вставил Данте. — В ближайшем будущем Маккензи будет помогать мне в работе над несколькими моими проектами.

Неужели? Маккензи удивленно посмотрела на него, радуясь, что на ней темные очки. Эдриан фыркнул и повернулся лицом к морю.

Куинн рассмеялся.

— Мне следовало догадаться, что вы подсуетились первым. А теперь давайте все-таки насладимся ленчем.

Мистер и миссис Куинн оказались гостеприимными хозяевами. И ленч был совершенно не похож на вчерашний напряженный ужин. Благодаря вкусной еде, солнечной погоде и интересной беседе следующие два часа пролетели незаметно. Затем, когда мужчины за

чашкой кофе завели разговор о яхтах, Маккензи решила прогуляться вдоль пляжа. К ее удивлению, через несколько минут она обнаружила, что Данте следует за ней.

— Тебе следует прилагать больше стараний, если хочешь спасти свой драгоценный «Эштон Хаус», — вполне добродушно произнес он.

Маккензи с удовольствием вдохнула свежий морской воздух. Она, конечно, ожидала, что, оставшись с ней наедине, он не преминет упомянуть «Эштон Хаус», но куда подевалась его злоба? Неужели он начал отгаивать? Маккензи в этом сильно сомневалась. Его дружелюбие, скорее всего, объяснялось нежеланием рисковать важной сделкой. Он не мог на нее кричать в присутствии Куинна.

— У меня вовсе не было желания влезать в ваш деловой разговор, — пытаюсь угадать, чем он недоволен, ответила она. — Ты первый упомянул о том, что я работала менеджером в отеле. Вот я и раскрыла тему.

Данте не ответил, и она попыталась погрузиться в созерцание морского пейзажа, но ей мешало его присутствие.

— Ты уверена, что не хочешь кофе?

— Нет, спасибо! Не думаю, что в меня еще что-то влезет, — произнесла она, не оборачиваясь. И это было сущей правдой. В непринужденной обстановке к ней вернулся аппетит.

— Ты никогда не говорила, что работала в сфере строительства.

— Не помню, чтобы ты меня об этом спрашивал. — Она повернулась к нему лицом и подняла голову, потому что он стоял слишком близко. — И что это за проекты, с которыми я должна тебе помочь?

Данте небрежно пожал плечами, и воротник его белой рубашки приоткрылся, обнажив треугольник оливковой кожи с завитками темных волос.

— Тебе ведь не составит труда высказывать свое мнение о том или ином проекте, когда я об этом тебя попрошу, правда?

Маккензи улыбнулась.

— Надо же! Теперь ты спрашиваешь мое мнение. С каких это пор ты стал со мной считаться?

— Я бы не придавал этому такое большое значение, — возразил Данте, наматывая на палец прядь волос девушки и притягивая ее к себе, словно рыбу на крючке. Рыбу, которая перестала сопротивляться и покорилась судьбе. — Я просто пытаюсь извлечь как можно больше пользы из нашего соглашения.

Нахмурившись, он провел пальцем по небольшой горбинке у нее на носу.

— Что произошло с твоим носом?

— Я сломала его, играя в хоккей, — смущенно произнесла Маккензи. — Впрочем, он никогда не был идеально прямым.

— Мне нравится, — протянул ласково Данте, несказанно удивив ее. — У него есть характер. Прямо как у тебя.

Он по-прежнему удерживал прядь ее волос, медленно приближая к ней свое лицо. Маккензи тут же почувствовала, что внизу ее живота начинает разгораться огонь желания.

Данте откровенно флиртовал с ней, соблазнял ее у всех на виду, и она, несмотря на все то, что ей было о нем известно, не собиралась ему мешать.

Это просто игра, напомнила себе девушка. Главное — вовремя остановиться.

Тут Данте посмотрел на ее губы, и она обо всем на свете забыла. Он собирался ее поцеловать! Ее губы приоткрылись в немом призыве. Сейчас она ощутит на них его вкус...

— Прошу прощения, Данте.

Данте не шелохнулся. Он по-прежнему смотрел на ее рот.

— В чем дело, Эдриан? — бросил он.

— Куинн предлагает собрать наши команды вместе за деловым ужином, чтобы поделиться с сотрудниками подробностями нашего нового соглашения.

— Отличная идея, — согласился Данте, не оборачиваясь.

— Я всех оповещу. — Эдриан повернулся, чтобы уйти.

На этот раз Данте пошевелился и отпустил ее волосы.

— Да, вот еще что, Эдриан.

Его заместитель остановился, словно верный пес, которого позвал хозяин.

— Слушаю.

— Забронируй себе билет на первый рейс до Мельбурна. Мне нужно, чтобы ты завтра утром был в офисе.

— Но как же сделка?

— Я об этом позабочусь сам.

— Но...

— Спасибо тебе, Эдриан. Это все.

Эдриан ушел, но прежде бросил на Маккензи ледяной взгляд, явно означавший, что она не заслуживает внимания его босса.

Она содрогнулась.

— У меня создалось впечатление, что Эдриану не понравилось, когда ты сказал, что я буду тебе помогать с несколькими проектами.

Данте посмотрел на своего заместителя, который с хмурым видом просматривал что-то на экране своего карманного компьютера.

— В последнее время Эдриан теряет свою деловую хватку. Пусть возвращается в офис и лечит

там свое уязвленное самолюбие. А мы останемся в Окленде еще на несколько дней, пока мои юристы будут составлять договор. Куинн обещал познакомить нас завтра со своим бизнесом. Нас ждет несколько напряженных дней с новыми встречами и знакомствами. Ты готова?

Маккензи радостно и взволнованно улыбнулась. Сказав впервые «мы», он как бы присоединил ее к себе, и это по меньшей мере означало, что они, несмотря на разные цели, могут работать вместе.

Теперь ей не придется торчать целыми днями в отеле в ожидании, когда он про нее вспомнит.

Если они смогут работать вместе, если Маккензи будет удовлетворять его в спальне, возможно, он раздумает ломать «Эштон Хаус». А пока она прикусит язык и будет ждать подходящей возможности снова затронуть эту тему.

— Да, босс, — весело откликнулась она.

В конце следующего дня Маккензи чувствовала, что ее голова вот-вот взорвется. Они с Данте осмотрели территорию, посетили в сопровождении Куинна с десятком верфей, а теперь Стюарт вез их назад в отель. Цифры, факты и новые познания в области судостроения с трудом укладывались у нее в голове.

Но ее образование на этом не закончилось. Ее приводило в восхищение, с какой быстротой Данте запоминал сложную терминологию и объяснял ей. Она неожиданно прониклась уважением к человеку, который построил огромную империю, пусть и выказывая себя порой тираном.

Правда, теперь Данте открылся ей с новой стороны. Даже сейчас, когда они ехали в машине, она видела, как увлеченно мужчины обменивались идеями относительно их предстоящего сотрудничества. Глаза Данте лихорадочно блестели. Ему не терпелось как можно скорее перейти от обсуждений к практике.

Неудивительно, что он добился таких успехов в бизнесе. Для него непременным условием всегда было обойти всех конкурентов.

Она украдкой посмотрела на Данте, от которого, казалось, мощным фонтаном била энергия. Повернувшись, он поймал ее взгляд, после чего снова переключил внимание на Куинна. Они смотрели друг на друга всего несколько секунд, но внутри у Маккензи все затрепетало. И как ей теперь дальше жить? Похоже, она заигралась.

Все было гораздо проще, когда она его ненавидела. Когда не испытывала к нему ни капли уважения. Когда один только его вид раздражал ее, а не искушал.

У отеля они попрощались с Куинном, и Данте взял ее за руку. На мгновение их взгляды встретились, и в глубине его глаз она прочитала немой призыв. Маккензи не сомневалась, чем они будут заниматься через пять минут. Сексуальные аппетиты этого мужчины изумляли ее. Но еще больше то, что его неумная жажда любовных игр передавалась ей.

— Это был хороший день, — сказал Данте, проследовав за ней в лифт.

— Да.

В следующую секунду она уже была прижата к стенке лифта и его руки жадно скользили по ее

спине, задирали ей юбку и освобождали его восставшую плоть от оков одежды.

— А ночь будет еще лучше, — хрипло произнес он, стремительно входя в нее.

О боже, что это было?! — с легким ужасом, смешанным с восторгом, спросила у себя Маккензи, когда лифт остановился на их этаже.

— Я пошла в ванную, — пробормотала она, зная, что Данте нужно срочно просмотреть электронную почту.

У двери их номера Данте крепко поцеловал ее в губы.

— Спасибо за закуску. Я в предвкушении главного блюда.

Ее ноги дрожали, но она улыбалась во весь рот. Быть любовницей Данте Карраццо — не самая плохая участь!

Войдя в спальню, Маккензи обомлела. По всей кровати была разбросана одежда: сверкающие вечерние платья, деловые костюмы, нижнее белье, коробки с обувью, модные аксессуары...

— Данте?! — крикнула она. — Что это такое?

Он пришел на ее зов. На его губах играла улыбка, когда он заглянул ей через плечо.

— Хорошо, что их уже доставили.

— Ты их заказал? Зачем?

— Тебе нужно больше одежды, — просто ответил он, — поэтому я попросил консультанта бутика внизу подобрать что-нибудь для тебя.

Бутик внизу. Теперь понятно, почему некоторые вещи показались ей знакомыми. Она даже помнила их стоимость.

— Я правда, считаю, что смогу обойтись тем, что у меня есть.

— Тем, что умещается в чемодане размером с обувную коробку? Я так не думаю. Я видел, как ты утром стояла в замешательстве перед шкафом. А теперь все твои проблемы уладятся. Они прислали вещи твоего размера. Выбери все, что захочешь, а остальное отошли назад.

Поцеловав ее в щеку, он собрался идти, как будто ему наскучила эта тема.

— Но я не хочу ничего из этого, — заявила она. — Цены там внизу просто бешеные.

Данте обернулся.

— Никто и не говорит, что ты должна за них платить. Все, что ты выберешь, будет записано на мой счет.

Маккензи покачала головой.

— О нет. Ты не будешь покупать мне одежду. Я думала, что ясно дала тебе это понять.

Удивленно приподняв бровь, Данте подошел к ней ближе.

— Ты ясно дала мне понять, что не хочешь, чтобы я дарил тебе драгоценности, а это не драгоценности.

Маккензи почувствовала, как чувство радости после замечательного дня покидает ее. Данте Карраццо в очередной раз указал ей на ее место.

Быть любовницей Данте действительно не так уж плохо. Но вот шлюхой — ужасно!

— Мне не нужны ни драгоценности, ни одежда, ни что-либо другое. Я не принадлежу к типу любовниц, которым нужно платить за ласки.

— Нет? А я всегда считал, что все любовницы одинаковые. И какая же ты?

Маккензи тяжело сглотнула.

— Ты же знаешь, что меня бы здесь не было, если бы не твой шантаж.

Его взгляд посуровел, губы искривились в язвительной усмешке.

— А-а, понятно: любовница по принуждению. Как антипод корыстной любовницы, я полагаю? Ты так себя видишь? — Он безжалостно разглядывал ее лицо, словно ища в нем признаки слабости. — Или ты вообразила себя любовницей-альтруисткой? Самоотверженной девственницей, жертвующей собой во имя спасения груды старых кирпичей? — Он улыбнулся, довольный собственной остротой. — Да, я думаю, последнее. Вот только я не помню никаких девственниц.

— А это имеет значение? — возразила она. Ее раздражало то, что он над ней смеялся и его выводы были недалеко от правды. Впрочем, то удовольствие, которое она получала, едва ли можно было назвать жертвой. — Я пошла на эту сделку не ради тряпок и безделушек. Да, мне пришлось с тобой спать, но это единственное условие, на которое я согласилась. Не усугубляй ситуацию. Не превращай меня в шлюху, за которую ты меня принял, когда обнаружил в своей постели.

Ее голос сорвался, и она, отвернувшись, закусила нижнюю губу, чтобы сдержать подступившие к глазам слезы.

Сильные руки обхватили ее за плечи, и она почувствовала тепло его мощного тела.

— Я так не считаю.

Она попыталась отстраниться, но он не отпустил ее.

— Тогда ничего мне не покупай. Достаточно того, что я делю с тобой номер, который, наверное, стоит целое состояние.

Вздохнув, он коснулся губами ее уха.

— Но теперь ты часть моей команды и тебе нужна одежда. Ты же знаешь, что я прав.

— Я не стану носить одежду, выбранную консультантом бутика и оплаченную тобой.

Данте обернулся, и на этот раз его улыбка была искренней.

— Прекрасно! Тогда иди и выбери сама. Но чтобы не возникло недоразумений, я сразу

предупреждаю, что заплачу за одежду.

Маккензи попыталась возразить, но он теснее прижал ее к себе и закрыл ее рот поцелуем.

— Позволь мне закончить, — произнес он, отстранившись. — Я вычту ее стоимость из гонорара, который выплачу тебе за твое участие в этом проекте. Мы вместе обговорим сумму, хорошо?

Маккензи заглянула в его глаза и тут же пожалела об этом. Утонув в их бездонных глубинах, она забыла, о чем они спорили.

— Ладно, — наконец ответила она. — Мы поговорим об этом.

Он снова поцеловал ее.

— А теперь иди в ванную. И поторопись, пожалуйста! У меня есть кое-какие планы на твой счет.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Неделя выдалась весьма продуктивной. К вечеру пятницы Данте уже закончил финансовый отчет по общему проекту с Куинном и отправил его по электронной почте сотрудникам своего офиса в Мельбурне. Проект должен был еще пройти архитектурную проверку для получения разрешения администрации. Маккензи отправилась за покупками вместе с Кристин, наконец признав, что ее гардероб скудноват для поставленных задач.

Данте был приятно удивлен тем, что у женщины, которую он сделал своей любовницей, оказалась такая потрясающая деловая хватка. Маккензи всюду следовала за ним, проявляя неподдельный интерес к проекту и давая очень толковые советы.

Дни проходили хорошо, а ночи еще лучше!

Услышав звуковой сигнал электронной почты, Данте пожалел, что не выключил компьютер. Письмо было от Эдриана, и он нахмурился, когда прочитал его тему: «Дата закрытия "Эштон Хауса»».

Эдриан сообщал, что одна крупная туристическая фирма пожелала забронировать номера для своих клиентов на следующие три года, и спрашивал, какой ответ дать.

Данте на некоторое время забыл про «Эштон Хаус» и теперь ощущал, как внутри у него нарастает знакомая волна гнева и обиды. Эти чувства жили в нем постоянно последние семнадцать лет, ожидая возможности вырваться наружу.

Наверное, пришло время принять окончательное решение. Какой смысл тянуть? Он обещал Маккензи подумать, и по крайней мере она не сможет обвинить его в том, что он не выполнил эту часть сделки.

Напечатав всего два слова: «Откажи им», он отослал сообщение и поспешил выключить компьютер, пока не пришло еще какое-нибудь срочное письмо.

Чтобы немного отвлечься, Данте подошел к окну и посмотрел на панораму вечернего Окленда под серыми облаками. Он обнаружил, что с нетерпением ждет возвращения Маккензи. Кристин с радостью взяла ее под свое крылышко и теперь показывала ей лучшие магазины в городе. Они уехали уже давно, и это означало, что она скоро вернется.

У Данте внезапно пришла в голову идея. Улыбаясь, он направился в ванную. Маккензи устанет после напряженного дня. Что поможет ей расслабиться лучше, чем спа?

Маккензи тихо наблюдала за тем, как во сне вздымается и опускается грудь Данте. Она впервые видела, чтобы он так рано лег спать. Данте был неутомимым трудоголиком, и если его одолевала усталость, он спал как убитый.

Она тоже очень устала. Эти сумасшедшие десять дней стали для нее настоящим мастер-классом в области финансирования недвижимости.

Совместный проект Данте и Стюарта Куинна с каждым днем набирал обороты, и Маккензи испытывала удовольствие от того, что участвовала в нем. Но еще большее удовольствие ей доставляло находиться каждый вечер в постели с Данте.

Перекатившись на спину, она уставилась в потолок, вспоминая, как хорошо ей было с ним сегодня.

Едва она вошла в номер, как он заключил ее в объятия и, не обращая внимания на рассыпавшиеся пакеты и коробки, подхватил на руки и понес в спальню.

Почувствовав слабую тянущую боль внизу живота, Маккензи облегченно вздохнула. Со дня на день все разрешится. Хорошо, что она не стала беспокоить Данте по пустякам. Это внесло бы напряжение в их отношения.

В минуты страсти Маккензи забывала обо всем и боялась, что Данте в конце концов завладеет ее сердцем. Как бы им ни было хорошо вместе, их отношения не могли продолжаться вечно. Данте ограничил их двумя неделями, но прошло уже больше времени, и не было никаких признаков того, что он от нее устал. Определенно это что-то значило: после всех волшебных ночей, проведенных вместе, Данте, похоже, испытывал к ней какие-то достаточно нежные чувства. Он уже не считал ее шлюхой и проявлял к ней максимум уважения. Этого было вполне достаточно, чтобы обратиться к нему. Она не упоминала об «Эштон Хаусе» с того дня на яхте. Возможно, пришло время прощупать почву и снова затронуть эту тему.

Следующие несколько дней пронеслись как одно мгновение. Вместо ожидаемых спокойных выходных после сумасшедшей недели в Окленде им предстояла поездка в Веллингтон, где Данте должен был провести проверку выбранной им недвижимости. Таким образом, они провели выходные в обществе агентов по недвижимости, а также посетили несколько торговых комплексов и пустых офисных зданий. Когда у них осталась пара свободных часов, они решили прогуляться вдоль берега Восточной бухты в окружении других пар и семей с детьми. Свежий ветер трепал их волосы и одежду.

По пути Данте остановился, чтобы купить мороженое. Он был, как никогда, разговорчив, и она с интересом слушала его рассказ об архитектурных особенностях зданий, обрамлявших бухту. Он никогда еще не был таким открытым, и Маккензи уже собралась заговорить с ним об «Эштон Хаусе». Но тут Данте заявил, что у нее на губе шоколад, и когда он наклонился, чтобы его слизнуть, Маккензи не стала портить это волшебное мгновение. Они ничем не отличались от других влюбленных, и она почему-то хотела, чтобы их считали таковыми. Момент был упущен.

Ночью они страстно любили друг друга до тех пор, пока не заснули от усталости. Ну разве найдешь время, чтобы спокойно поговорить?

До возвращения в Окленд Данте взял ее с собой на остров Вайхеке. На этот раз они осматривали здания, которые со своими тропическими садами, теннисными кортами и бассейнами скорее напоминали дворцы, нежели обычные жилые дома. За этим последовала бесконечная череда встреч с архитекторами, финансистами и юристами, и Маккензи было некогда думать ни о чем, кроме работы.

Пока до нее, наконец, не дошло! Тянувшая боль внизу живота неожиданно прекратилась. И у нее была задержка, чуть ли не на неделю.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Маккензи уставилась на голубую полоску и поняла, что ее жизнь кардинально изменилась. Она была беременна.

Страх пронзил ее словно удар ножа, и ей пришлось опереться о край ванны, чтобы удержать равновесие. И что теперь прикажешь делать?

Она не просто была беременна. Она ждала ребенка от Данте Карраццо и не знала, как ему об этом сказать. Ничего более ужасного с ней не могло произойти!

Маккензи уставилась на свое отражение в зеркале, ища изменения во внешности, связанные с беременностью.

Ребенок... Как она будет воспитывать его в одиночку? Вряд ли ей удастся надолго задержаться на работе, даже если она ее и найдет.

Что же делать, черт побери?

Маккензи тяжело вздохнула. Сначала надо сходить к врачу, чтобы знать наверняка, а пока ничего не говорить Данте. Вдруг результат теста окажется неправильным? Даже и не мечтай, сказали ее усталые глаза в зеркале.

Данте позвал ее завтракать, и при одной только мысли о еде к горлу подступила тошнота. А может, она просто боялась его реакции?

Включив душ, Маккензи встала под струи воды и принялась намыливать себя. Ее ладонь непроизвольно задержалась на животе. Какая из нее получится мать? Ее собственные родители, долгие годы мечтавшие о ребенке, с отчаяния прибегли к помощи передовой технологии. И Маккензи не сомневалась, что была любима и желанна.

И вот теперь она сама забеременела по чистой случайности. Из-за собственной небрежности, если быть честной. Означало ли это, что она будет любить своего ребенка меньше? Упаси боже!

Как Данте отнесется к своему отцовству? Ей ничего не было известно ни о его происхождении, ни о воспитании. Она знала, что он может быть страстным и очень нежным. Но у него была и другая, темная сторона. Та, которая заставляла его разрушать все вокруг.

Душевая кабина наполнилась паром, и перед глазами все затуманилось. Одно оставалось кристально ясным: ее ребенок заслуживал лучшего отца, чем жестокий Данте Карраццо. Решение, которое он примет относительно будущего «Эштон Хауса», определит, какое место он будет занимать в жизни ее ребенка.

Возможно, Данте еще удивит ее своим поведением. Возможно, нежность, с которой он в последнее время относился к ней, говорила больше, чем о простом уважении. Возможно, если он передумает разрушать отель, она позволит ему принимать участие в воспитании ребенка.

Но если он не откажется от своих планов, она сделает так, чтобы малыш как можно меньше общался со своим отцом. Правда, в глубине души она надеялась, что до этого не дойдет.

Выключив воду, Маккензи быстро вытерлась и надела халат. Спрятав упаковку от теста в сумочку с туалетными принадлежностями, она на свинцовых ногах вышла из ванной.

Данте сидел за столом и читал деловую хронику.

— Что-то ты долго, — проворчал он, не поднимая глаз от газеты.

Мужчина налил ей кофе, но от аромата крепкого напитка к горлу подступила тошнота, и она отодвинула чашку.

— Данте, нам надо поговорить.

— Звучит зловеще! — Судя по его тону, он не был готов к серьезному разговору. Затем он поднял голову, чтобы сделать глоток кофе, и, увидев ее лицо, нахмурился.

Маккензи отвернулась.

— Что у тебя на уме?

— Так, пара вещей.

— Давай выкладывай. — В его голосе слышалось нетерпение.

Она подняла глаза и посмотрела на него.

— Ты помнишь о своем обещании насчет «Эштон Хауса»?

Данте напрягся, его лицо посуровело.

— Обязательно обсуждать это сейчас? У нас через час встреча с Куинном.

— Данте, это не может больше ждать.

— А как же наша сделка?

Маккензи собралась с силами и решительно произнесла:

— Ты говорил, что это продлится неделю, максимум две.

— И?

— И это время давно прошло. Я была твоей любовницей. Спала в твоей постели. Соблюдала свою часть договора.

— Не помню, чтобы ты жаловалась.

— Я и не жалуясь. Просто не уверена, что смогу так продолжать дальше.

— Значит, ты хочешь разорвать наше соглашение?

— Нет. Мне просто нужно знать. Ты обещал мне подумать насчет «Эштон Хауса». Я выполнила свою часть договора, а ты?

Он бросил на нее ледяной взгляд. На его щеке дернулся мускул.

— Да, я подумал.

Маккензи похолодела. Ее охватило нехорошее предчувствие.

— И?

— Мое решение остается неизменным.

Потрясенная его словами, она резко поднялась.

— Что? Ты не можешь так поступить после всего, что произошло. Ты действительно собираешься закрыть «Эштон Хаус»?

— Да. Таково мое решение.

— Но ты не можешь этого сделать. Не сейчас...

— Решение уже принято.

— Когда? Ты не говорил мне, что уже решил. Ты позволял мне продолжать надеяться...

— Неожиданно ты оказалась полезной в бизнесе. Нам хорошо в постели. Так зачем разрывать наши отношения?

Его бесстрастная оценка была для нее словно пощечина.

— Полезной в бизнесе? Ты не забыл, что я спасла твою сделку? Без меня ты бы ее не заключил.

— Я пытался тебя отблагодарить, а ты бросила подарок мне в лицо!

Гнев выжег у нее внутри остальные чувства. Она чувствовала себя полностью опустошенной. Кровь застучала в висках.

— Я не верю, что ты вообще об этом думал. Ты с самого начала принял твердое решение и не собирался его менять!

Он поднялся и отшвырнул в сторону газету.

— Можешь думать что хочешь. Ты знала, что шла на риск, принимая условия этой сделки.

— Но если бы ты об этом подумал, то понял бы, какое это безумие. Не имеет смысла...

— Вопрос закрыт. Полагаю, это означает, что нашему соглашению конец?

Его вопрос глубоко уязвил ее.

— Неужели ты думаешь, что я после всего этого захочу остаться?

В глубине его глаз промелькнула тень.

— А жаль. Нам было так хорошо вместе.

Маккензи сглотнула.

— Ну если ты так считаешь.

Его глаза засверкали от ярости.

— Я попрошу Куинна передать Кристин, что тебе неожиданно пришлось вернуться в Аделаиду. — Он достал из бумажника визитку и швырнул на стол рядом с ней. — Эдриан позаботится о билете.

Маккензи порвала карточку на мелкие кусочки.

— Он этого не сделает, черт побери! Я сама в состоянии забронировать себе билет.

Данте стоял неподвижно, словно бездушная статуя. Затем поднял руку и поправил галстук.

— Ладно. Я хочу, чтобы к моему возвращению тебя здесь не было. — С этими словами Данте повернулся и начал засовывать бумаги в портфель.

Маккензи тупо смотрела на него, не веря, что это произошло. Она перестала быть полезной, и пришло время от нее избавиться. Она всегда знала, что все закончится именно так, но не была готова вновь встретиться со своими страхами.

Куда подевался тот нежный Данте, мужчина, который стер поцелуем шоколад с ее губ и разжег в ее сердце маленькую искорку надежды? Теперь надежды не было. Только отчаяние.

Потому что дело не только в потере отеля.

Ее ребенок потерял своего отца.

Навсегда.

— Я думала, ты изменился, — сказала она, уставившись на его широкую спину. — Надеялась, ты кое-чему научился благодаря сделке с Куинном. Понял простую истину: не нужно разрушать то, что может принести выгоду.

— С «Эштон Хаусом» все по-другому.

— Ты и раньше это говорил. Почему по-другому?

— По-другому, и точка!

— Взгляни на то, что ты делаешь. Ты не только разрушаешь красивое старинное здание, но и портишь жизнь людям, которые там работают, а также тем, кто любит «Эштон Хаус», как, например, мои родители, которые там поженились.

Данте бросил на нее испепеляющий взгляд, словно не хотел ничего знать. Но он в любом случае ее выслушает. Он заслужил эти жестокие слова!

— А что, по-твоему, будет с бывшими владельцами отеля, Джонасом и Сарой Дуглас, когда они

узнают, что ты собираешься сделать с «Эштон Хаусом»? Они и так были удручены, когда потеряли отель. Что они испытают, когда от предмета их гордости останется груда обломков?

На этот раз он повернулся к ней лицом. Его лицо было угрюмым, глаза походили на черные дыры.

— Надеюсь, эта новость их убьет.

Его безжизненный голос и страшные слова глубоко ее потрясли.

Какой же Данте настоящий — тот умелый любовник, который ласкал ее с такой нежностью, что у нее на глаза наворачивались слезы, или вот это несчастное существо, похожее на раненого зверя?

— Что с тобой произошло? — произнесла она вслух свои мысли. — Что превратило тебя в жестокое чудовище?

Его губы искривились в улыбке, которая больше походила на звериный оскал.

— Ты считаешь меня чудовищем?

— А как еще можно назвать того, кто задумал такое? Особенно после того, как Дугласы пережили подобную трагедию.

— Трагедию? Джонас проиграл свое состояние в карты. Что в этом трагичного?

— Разве можно его в чем-то винить? Они лишились обоих сыновей. Каких родителей не подкосила бы столь тяжелая утрата? А теперь они видят, как все, что ими было создано, разваливается на глазах. У них практически ничего не осталось. Откуда такая жестокость? Что такого они тебе сделали?

Данте рассмеялся, но этот звук был больше похож на крик стервятника.

— В любом случае у них осталось больше, чем они оставили мне.

Маккензи охватило предчувствие чего-то ужасного, и она содрогнулась, желая и в то же время боясь все узнать.

— Что это значит? Больше, чем они оставили тебе?

Данте закрыл портфель.

— У меня важная встреча. Уходи!

— Данте! Нет! — Кинувшись к двери, Маккензи попыталась его задержать. Она не могла его бросить, когда он так страдал. Она почти физически ощущала его боль, и, несмотря на все обидные слова, которые он сегодня ей наговорил, сердце не позволяло ей его отпустить. Данте был слишком дорог девушке, чтобы она могла спокойно смотреть на его мучения.

И тут ее словно молнией поразило.

Она влюбилась в Данте Карраццо.

Он посмотрел на ее руку, вцепившуюся в его плечо, затем на ее лицо, словно ожидая, что она

начнет возражать, плакать, умолять. Но Маккензи продолжала молчать, потрясенная тем, что против своей воли влюбилась в мужчину, который оказался настоящим чудовищем. В воздухе повисла тишина, которую нарушал только звук работающего кондиционера.

Убрав ее руку, он открыл дверь и ушел из ее жизни.

Лифт достиг первого этажа, и внутри у Данте все подпрыгнуло. Проклятье!

Почему она это сделала, когда все так хорошо шло? Почему она завела этот разговор? На сегодняшней встрече ему будет очень ее не хватать. А ночью еще больше.

Оказавшись в вестибюле, он почувствовал запах дождя, и мгновение спустя стеклянная дверь вывела его в унылый внешний мир.

Он отпустил водителя и отказался от предложенного им зонта. Лучшей погоды для пешей прогулки в его настроении и придумать трудно.

Почему она спросила об отеле? Последние несколько дней она не выглядела несчастной, — скорее, наоборот. Она стала для него больше чем любовницей. Его правой рукой. Неотъемлемой частью. Он привык к тому, что она всегда рядом. Что заставило ее так поступить?

Косой дождь хлестал его по лицу ледяными иглами. Ему должно было быть больно, но вместо этого он чувствовал только гнев. Гнев, который всегда его охватывал при упоминании об «Эштон Хаусе», только на этот раз гораздо сильнее.

Его восхищала преданность Маккензи людям, с которыми она работала в отеле, но ее упрек вывел его из себя. Как она смела жалеть людей, которые были достойны гореть в аду!

Дождь усилился, и пешеходы побежали искать укрытие, стараясь не упустить выворачивающиеся от ветра зонты. Свет автомобильных фар прорезал серую мглу и рисовал замысловатые орнаменты на мокрой дороге, по которой продолжал идти Данте.

Почему на этот раз ему было так плохо? Он чувствовал себя так, будто проглотил пушечное ядро и оно тянуло его вниз. Струи дождя текли за шиворот, мокрая рубашка прилипла к телу, в ботинках хлюпала вода.

Ему должно было быть холодно. Но он чувствовал только пустоту.

Неожиданно он вспомнил ее лицо, когда она пыталась его остановить. Он думал, что она что-то скажет, но ее полуоткрытые губы застыли в молчании, а глаза наполнились ужасом.

Это он был во всем виноват. Он сделал с ней такое. Использовал как вещь в своих собственных целях.

Данте остановился у светофора в ожидании зеленого сигнала. До него наконец дошла горькая правда. Маккензи не заслуживала, чтобы с ней так обращались. Рано или поздно она все равно бы узнала, что он не собирается менять свои планы насчет отеля. Возможно, ему следовало объяснить ей причину. Впрочем, это вряд ли кто-то способен понять.

Но в любом случае он не имел права так с ней поступать. Причинять ей боль.

Перед его, глазами снова предстало ее лицо, застывшее от ужаса.

Боже, что он натворил?!

Не дожидаясь зеленого света, он повернул назад.

* * *

Войдя в номер, Данте бросил на пол портфель и пиджак, не обращая внимания на то, что с него ручьями текла вода. В столовой Маккензи не оказалось. На столе все еще стояли тарелки и ее нетронутый кофе. В спальне на кровати лежал собранный чемодан, но открытый шкаф был полон одежды, которую она купила здесь.

Он нашел ее сидящей в халате на краю ванны. Она сморкалась в платочек, глядя на что-то в другой руке.

Вдруг она подняла голову, и пушечное ядро внутри него налилось свинцовой тяжестью, когда он увидел ее красные, опухшие глаза.

— Данте! Ты вернулся. — Нахмурившись, она быстро спрятала то, что держала в руке. — Что с тобой случилось?

Но в данный момент его больше интересовало то, что она прятала, чем ее вопрос. Причина его возвращения была уже забыта.

— Что там, черт побери?

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Я... Я просто собирала вещи, — пролепетала Маккензи, смущенно поднявшись. Все еще пряча что-то под халатом, она принялась складывать в сумочку туалетные принадлежности. Быстро оглядевшись, Данте заметил на полке незнакомую картонную коробочку и, достав ее, вынул из нее листок с инструкцией.

— Что это? — спросил мужчина, хотя надпись на коробочке уже подтвердила его худшие опасения. Он посмотрел на Маккензи. — Зачем тебе, черт побери, тест на беременность?

Она вызывающе вскинула подбородок.

— Я хотела с его помощью узнать, горячая ли вода в кране. А ты как думаешь, для чего он мне понадобился?

— Покажи мне то, что у тебя в руке.

— Зачем? Это не твое дело. Ты уже отказался от моих услуг. Причем во второй раз.

— Покажи!

Она фыркнула. Ее нижняя губа дрожала, когда она неохотно высунула руку из-под полы халата и протянула ему полоску теста. У него перехватило дыхание, тяжесть внутри стала невыносимой.

— Доволен? Эта полоска означает отрицательный результат. — Но ее голос звучал неубедительно, да и информация на упаковке противоречила ее словам.

Данте растерянно посмотрел на нее, не зная, что должен чувствовать в такой момент. Но понимал: произошло нечто чрезвычайно важное.

— Ты беременна?

Застонав, она снова опустилась на край ванны и закрыла лицо руками.

— Да.

Данте не смог удержаться от вопроса, который первым делом пришел ему на ум.

— Чей это ребенок?

Маккензи резко подняла голову.

— А ты как думаешь?

— Откуда мне знать? Мы впервые встретились, когда ты ждала меня ночью в моей постели. Откуда мне знать, в скольких постелях ты побывала до этого, преследуя свои цели?

Повернувшись, она посмотрела на него.

— Я не ждала тебя той ночью, Данте. Я просто спала в свободном номере, потому что допоздна засиделась на работе, а рано утром у меня была назначена встреча. Ничего больше.

Он скептически покачал головой. Будь это правдой, она бы с криками выскочила из постели, когда он пришел.

— А как насчет твоего друга Ричарда?

Маккензи усмехнулась. Или, может, всхлипнула? Он не был уверен.

— Он уже в прошлом.

— Но он более вероятный отец ребенка, чем я. Я знаю тебя сколько, три недели? Эта штукавина не показывает, какой у тебя срок. Откуда мне знать, может, ты беременна уже несколько месяцев.

Поднявшись, она с яростью посмотрела на него.

— Это твой ребенок, Данте. УЗИ подтвердит срок с точностью до дня, а если понадобится, когда родится ребенок, можно сделать, анализ ДНК. Ты его отец, да поможет Господь бедному малышу. — Маккензи прошла мимо него в спальню.

Данте остался стоять на месте. Новость о будущем отцовстве не укладывалась у него в голове. И все же в глубине души он понимал, что это могло произойти. Возможно, даже хорошо, что он станет отцом.

Но когда...

Он нашел ее стоящей у окна в гостиной. Пояс ее халата был туго завязан на талии, руки скрещены на груди, волосы в беспорядке разметались по плечам. Даже с покрасневшими глазами, без макияжа она была прекрасна.

— Ты сказала мне, что принимала таблетки.

Маккензи развела руки в стороны.

— Не знаю. Я действительно предохранялась, но... но два раза забыла принять таблетку.

— Когда, черт побери, это произошло?

Она задумчиво наморщила лоб.

— В ту ночь, когда я осталась в отеле. Все получилось спонтанно, и потому моя сумочка с туалетными принадлежностями и таблетками осталась дома. Я пропустила один прием, но затем мы так быстро уехали в Окленд, что я забыла о необходимости принять таблетку и вспомнила только по возвращении.

— Не вешай мне лапшу на уши! Ты лежала в моей постели и ждала. Как ты можешь притворяться, когда оказала мне столь радушный прием? И ты еще будешь утверждать, что забыла принять таблетку! Как можно быть такой легкомысленной?

Маккензи уже и не надеялась убедить его в том, что оказалась в его постели случайно.

— Говоря о легкомысленности, что же ты сам не подумал о предохранении, когда овладел мной, прижав меня к стене? Когда занимался со мной любовью в лифте между третьим и двадцать третьим этажами? Людям свойственна забывчивость, даже тебе, Данте!

— Тебе следовало мне сказать.

— А ты бы хотел, чтобы я тебе такое сказала в те минуты? Я так не думаю.

Ее слова неприятно поразили его.

— Ведь ты не собиралась говорить мне о ребенке, не так ли? Ты хотела уйти, ничего не сказав мне.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы я ушла. Я была готова подчиниться.

— Но ведь ты уже тогда знала о своей беременности, правда? Именно поэтому и завела разговор о нашей сделке.

— Я хотела понять, как мне жить дальше, и ты не оставил мне выбора.

— Но ты ничего мне не сказала!

— Потому что ты не заслуживал того, чтобы узнать правду!

Данте потупился. Он понимал, что утром вел себя с ней как последний негодяй. Но она сама хороша! Утаила от него такую новость.

— И что ты собираешься делать?

Маккензи безвольно пожала плечами.

— Не знаю. Вернусь домой. Найду работу.

— Как ты сможешь работать?

— Я не больна, Данте, просто беременна. К тому же у меня еще очень маленький срок. Кто знает, что может произойти...

— Ты не сделаешь аборт!

— Я имела в виду, что мой организм сам решит, способен ли он выносить ребенка или нет.

— А что будешь делать, когда родится малыш? Как ты сможешь одновременно работать и заниматься ребенком?

— Не знаю, но обязательно придумаю. В крайнем случае ребенка всегда можно отдать на усыновление.

— Я не позволю отдать моего ребенка на усыновление!

— Как тебя это может волновать, когда утром ты практически вышвырнул меня отсюда?

— Тогда я не знал, что ты ждешь ребенка, и, возможно, от меня.

— Никаких «возможно». От тебя, — поправила его она. — Но можешь думать что хочешь. Мне нужно закончить собирать вещи. — Она посмотрела на часы. — А тебе разве не пора идти на встречу? Впрочем, сначала тебе нужно переодеться. Ты выглядишь так, словно только что совершил марафонский забег.

Посмотрев на часы, Данте застонал. К черту встречу! Разговор с Маккензи был для него гораздо важнее.

— Ты никуда не пойдешь, — заявил он. — И не сядешь в самолет до тех пор, пока не пройдешь обследование.

— Забудь об этом, Данте. С меня хватит! Я уезжаю, и ты не сможешь меня остановить. — Маккензи направилась в спальню, и он последовал за ней.

В этот момент зазвонил телефон. Плевать! У него неотложное дело! Ему необходимо во что бы то ни стало уговорить Маккензи остаться.

Телефон перестал звонить, и, войдя в спальню, Данте понял почему. Маккензи прижимала трубку к уху.

— Простите, Стюарт, я неважно себя чувствую и не смогу приехать, но Данте через минуту уже будет в пути.

Бросив на нее яростный взгляд, Данте вырвал у нее трубку.

— Куинн! Простите, что заставил вас ждать. Маккензи утром было плохо, но сейчас все в порядке.

Маккензи тем временем собрала оставшиеся вещи и засунула их в чемодан.

— Нет, врача не вызывали, — произнес Данте. — По правде говоря, меня задержало не только это. Она сообщила тебе радостную новость?

Маккензи замерла на месте и, в ужасе уставившись на него, отчаянно замотала головой. Он улыбнулся, когда Куинн потребовал поделиться с ним этой новостью.

— Маккензи только что согласилась стать моей женой. Здорово, правда?

— Что тебе в голову взбрело? Какого черта ты ему это сказал? — растерянно пролепетала Маккензи, когда Данте закончил разговор с Куинном. К потрясениям этого утра добавилось еще одно.

Пожав плечами, Данте с самодовольным видом победителя принялся расстегивать ставшую влажной рубашку.

— Это отличное решение, — сказал он. — У ребенка будут мать и отец, и тебе не придется идти работать.

— Ты ничего не забыл?

Стащив через голову рубашку, он небрежно швырнул ее на ковер.

— Нет, не думаю.

— Ты не спросил меня, а даже если бы и спросил, я бы все равно сказала «нет». Я не выйду за тебя замуж, даже если бы ты остался последним мужчиной на земле.

Но в этот момент Данте выпрямился во весь рост, и она, увидев его загорелый мускулистый торс, поняла, что кривит душой.

— Кажется, тебе доставляло удовольствие быть моей любовницей.

— К твоему сведению, брак — это не только удовольствие. Он состоит из любви, уважения и взаимного желания что-то построить вместе. Ты ведь не умеешь созидать, Данте. Даже свою империю ты строишь путем разрушения других.

Данте подошел ближе, и у нее перехватило дыхание. Ей хотелось, чтобы он все отрицал. Чтобы сказал, что собирается на ней жениться не только ради ребенка. Что он изменился и даже немного в нее влюбился, а со временем и вовсе полюбит по-настоящему. Если бы ее чувства были взаимны!

— Да, это будет необычный брак, — сказал Данте, разом сокрушив все ее надежды. Затем он поднял руку и нежно провел пальцами по ее щеке. Она закрыла глаза и почувствовала, как ее соски напряглись под тканью халата. — И, судя по этим трем неделям, проведенным вместе, у нас может получиться неплохой союз.

Ее дыхание участилось, когда его пальцы скользнули по изгибу ее шеи под ворот халата. Они словно говорили, что ей стоит выйти за него замуж хотя бы ради секса. И она почти поверила им.

— Нет, — сказала она, резко запахивая ворот халата. — Если я выйду за тебя замуж, какая мне будет от этого выгода?

Данте притянул ее к себе, и ее ноздри защекотал аромат его одеколона.

— Ты же знаешь, что меня будет более чем достаточно.

— Возможно. Но ты от этого брака получишь ребенка. Я тоже хочу нечто определенное.

Положив руки ей на плечи, Данте немного отстранился и осторожно посмотрела на нее.

— И чего же ты хочешь?

— Чтобы ты пощадил «Эштон Хаус». Не закрывай его, и я выйду за тебя замуж. В противном случае я не согласна.

Рассмеявшись, Данте отпустил ее.

— Конечно. Я обещаю об этом подумать.

— Ни в коем случае, — возразила Маккензи. — Так дела не делаются. Время для обдумывания прошло. Мне нужны гарантии. Я требую, чтобы ты оставил «Эштон Хаус» в покое.

— А если я не соглашусь?

— Тогда я не только не выйду за тебя замуж, но и сделаю все от меня зависящее, чтобы ты как можно реже виделся с нашим ребенком.

— Ты не сможешь мне запретить встречаться с ребенком. По закону я имею на него такое же право, как и ты. — Подойдя к гардеробу, он достал оттуда чистую рубашку и снял ее с вешалки.

— А зачем тебе ребенок? Чтобы сделать из него такого же сумасшедшего, как его папаша? — Она покачала головой. — Ни за что! Ты не сделаешь этого с моим ребенком. Я не выйду за тебя замуж, если ты не пообещаешь пощадить «Эштон Хаус».

— И ты думаешь, я соглашусь на твой ультиматум?

— Выбор простой, — заявила Маккензи, внезапно осмелев. — Ты можешь либо продолжать жить в прошлом, либо строить собственное будущее.

Данте посмотрел на нее, по-прежнему держа в руках рубашку и не замечая, что мнет воротник. Маккензи почувствовала, что преимущество в их противостоянии перешло к ней.

— Значит, ты готова стать моей женой, несмотря на мои многочисленные недостатки, если я изменю свои планы насчет «Эштон Хауса»?

— Совершенно верно.

Маккензи задержала дыхание, когда он подошел к окну и невидящим взором уставился вдаль. Она не ожидала от него быстрого принятия решения, но по прошествии времени начала думать, что перегнула палку. Она знала, что Данте ненавидит «Эштон Хаус», хотя причина этого была ей неизвестна. Разве мог незапланированный и еще не родившийся ребенок конкурировать с его страстью к разрушению?

Наконец он обернулся и посмотрел на нее. Даже отсюда были видны капельки пота, выступившие у него на лбу. Маккензи знала, чего ему стоило выполнить ее требование.

— Договорились. Но у меня тоже есть некоторые условия.

— И какие же?

— Свадьба будет проходить так, как захочу я.

Она открыла рот, чтобы возразить, но Данте поднял руку.

— Сначала выслушай. Мы поженимся сразу, как только это будет возможно по закону. Полагаю, недели через четыре. Ты, наверное, желаешь, чтобы церемония бракосочетания проходила в «Эштон Хаусе»?

Маккензи кивнула. Разумеется, ей хотелось сделать приятное родителям и самой себе.

— Если это возможно. Ведь ее не обязательно устраивать в выходной, правда?

— Прекрасно. Тогда я распоряжусь, чтобы Эдриан обо всем позаботился.

— Эдриан? Но...

— Таково мое условие. Я не хочу, чтобы ты утруждала себя приготовлениями. Лучше займись подбором платья. Об остальном позаботится Эдриан.

— Думаю, моя мать захочет принимать участие в приготовлениях, — осмелилась произнести Маккензи, желая внести хоть какой-то вклад в собственную свадьбу. — Иначе она начнет что-то подозревать.

— Хорошо. Я велю ему связаться с твоей матерью. Будут еще какие-то пожелания?

Маккензи на мгновение закрыла глаза, потрясенная тем, как близко она приблизилась к своей цели. Через несколько недель она выйдет замуж за мужчину, которого любит. Станет миссис Данте Карраццо.

С каждым новым днем Маккензи все легче верилось в то, что их брак будет настоящим. Данте отвел ее в эксклюзивный ювелирный магазин внизу, где им показали лучшие образцы колец. Маккензи хотела что-нибудь поскромнее, но Данте возражал. Впрочем, выбранное им кольцо, несмотря на дороговизну, оказалось довольно простым и элегантным, и ей оно понравилось.

Куинны пришли в восторг, когда узнали о помолвке, и пригласили их в ресторан отметить предстоящее событие.

Маккензи чувствовала себя как никогда счастливой, несмотря на утреннюю тошноту. Ее беременность подтвердилась, но они пока ничего не говорили остальным. Данте сидел рядом, когда ей делали УЗИ, и при виде бьющегося крошечного сердечка на экране у них обоих захватило дух. Данте взял ее руку в свою и пожал, и ее сердце наполнилось радостью, когда они смотрели на чудо, которое сотворили вместе.

Их союз небезнадежен, решила она. В Данте много хорошего, и со временем их будет связывать не только ребенок, но и любовь.

Разработка совместного проекта с Куинном была закончена, и Данте с Маккензи вернулись в Мельбурн. Он поселил ее в своем роскошном особняке и запретил чем-либо заниматься, кроме свадебного платья. В этом ей помогала ее мать, которую доставил из Аделаиды пилот Данте, к огромной радости Маккензи.

Он меня любит, сказала себе девушка, глядя на свое отражение в зеркале, в то время как костюмерша прикрепляла шлейф к платью.

В последнее время Данте был очень нежным и внимательным, но вместе с тем оставался страстным любовником. Точно, он ее любит!

Прикрепив к волосам невесты короткую фату, костюмерша одобрительно кивнула ее отражению в зеркале.

Маккензи улыбнулась. Платье из кремового шелка облегло ее фигуру и отлично подходило к цвету волос. Покрой был простым, но элегантным.

— Ну как тебе? — спросила она свою мать, которая минуту спустя вошла в гардеробную.

— Ты такая красивая, — восхищенно произнесла пожилая женщина.

У Маккензи не было ни малейшего сомнения в том, что она поступает правильно. Для нее это был настоящий брак, и в глубине души она знала, что у них все получится.

Она еще никогда ни в чем так не была уверена.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Утро было прохладным и туманным, но ясное небо обещало солнечный день. Отличный день для свадьбы в саду. Стоя на балконе своего номера в «Эштон Хаусе», Маккензи дышала свежим воздухом Холмов Аделаиды. Как же хорошо было наконец вернуться домой!

Она провела прошлую ночь в одиночестве, как того требовала традиция, и уже предвкушала каждое мгновение следующей. Их первой брачной ночи!

От волнения у нее внутри все трепетало, но она старалась держать себя в руках. Она чувствовала себя самой счастливой женщиной на свете.

Утро прошло в приятной суматохе. Над ней колдовала целая армия визажистов, и Маккензи пришла в восторг от их работы. Она все еще была в халате, когда в дверь позвонили.

При виде Эдриана с роскошным букетом цветов она замерла, будто предчувствуя, что ничего хорошего его появление ей не сулит. Она не видела его с того самого дня, когда покинула Окленд. Ей не хотелось с ним встречаться, но он организовал ее свадьбу, и она не могла быть с ним грубой.

Распахнув широко дверь, Маккензи изобразила на лице подобие улыбки. Холодный взгляд, которым в ответ окинул ее Эдриан, свидетельствовал о том, что он по-прежнему испытывает к ней неприязнь.

— Ваши цветы прибыли, — сухо произнес он.

— Спасибо, — ответила она и взяла их из рук Эдриана. — У меня не было возможности поблагодарить вас за то, что вы организовали нашу свадьбу.

Его губы сжались в тонкую линию.

— Это моя работа, — произнес он так, будто хотел намекнуть, что выполнять это задание шефа ему было крайне неприятно.

— В любом случае спасибо.

— Говоря откровенно, я удивлен.

— Чем? — спросила она, хотя и догадывалась, что он имел в виду.

— Тем, что вы все еще здесь.

— О чем вы говорите?

— Я думал, что вы сдадитесь, когда ваша сделка потеряет смысл.

Маккензи пришла в ужас.

— К-какая еще сделка?

Эдриан недоуменно посмотрел на нее.

— А то вы не понимаете. Вы спали с Данте в обмен на то, что он обещал подумать о будущем этого прекрасного здания.

Волосы у нее на затылке встали дыбом. Эдриану были известны подробности их сделки! Неудивительно, что он всегда смотрел на нее с таким презрением.

Маккензи пришла в ярость, но постаралась сдержаться.

— Ваши сведения устарели, Эдриан. Этот вопрос снят. «Эштон Хаусу» больше ничего не угрожает.

— Правда? — Он самодовольно ухмыльнулся. — Значит, он ничего вам не сказал?

От страха у нее подкосились колени, но она все-таки нашла в себе смелость спросить:

— Не сказал что?

— Что отель закрывается. — Эдриан фыркнул. — Наслаждайтесь вашей свадьбой.

Повернувшись, Маккензи на ватных ногах прошла назад в комнату и, положив цветы на кровать, набрала номер регистратуры. Это не может быть правдой!

— Натали! Добрый день! — произнесла она в трубку, узнав голос девушки из регистратуры. Выслушав поздравления, она спросила: — Мне сообщили, что отель закрывается. Это правда?

Пусть это будет ложью, взмолилась она про себя.

— Да, это так! — Натали печально вздохнула. — Я думала, ты все знаешь...

Он ей солгал! Руки Маккензи задрожали, и она, уронив трубку, побежала в гардеробную.

— Цветы просто великолепны, — слышался у нее за спиной голос матери. — Ты так не считаешь, дорогая?

Пробормотав в ответ что-то нечленораздельное, Маккензи сняла халат и надела джинсы, футболку и мокасины.

— Маккензи, — позвала ее мать. — Что ты делаешь? Свадьба...

Девушка обернулась, ничего не видя сквозь пелену слез.

— Свадьбы не будет.

И убежала.

— Что значит, она ушла? — Данте охватила паника. — Куда?

— Мы не знаем, — ответила мать Маккензи. — Она только что выскочила отсюда как ошпаренная. Сказала, что свадьбы не будет.

Положив трубку, Данте разочарованно застонал. Что случилось? Не было ни малейшего намека на то, что Маккензи откажется от свадьбы. Скорее, наоборот. Он никогда не видел ее такой счастливой, как в последние несколько дней. В чем дело, черт побери?

— Что-то случилось?

Обернувшись, Данте увидел Эдриана, принесшего их бутоньерки.

— Маккензи, — пробормотал он, яростно нажимая кнопки мобильного телефона. — Она сбежала.

— Сбежала? — переспросил его помощник, кладя цветы на кофейный столик. И наливая себе виски, поинтересовался: — Хочешь сказать, она передумала?

— Не знаю. — Нахмурившись, Данте посмотрел на часы. — И не узнаю, пока не поговорю с ней. Ну возьми же трубку!

— Возможно, это к лучшему, — заметил Эдриан, выпив залпом виски. — Возможно, тебе лучше сейчас понять, как ненадежна эта женщина, чем после того, как ты наденешь ей кольцо.

— Заткнись, Эдриан! — (В трубке послышался голос.) — Натали! Это вы? Вы видели Маккензи?

— Ее нет в ее номере? Странно. Она недавно звонила оттуда.

— Что ей было нужно?

— Она почему-то спросила, действительно ли отель закрывается. Я еще подумала, странно, что она ничего не знает...

О боже!

— И что вы ей сказали?

— Что отель закрывается, но она бросила трубку, прежде чем я успела все ей объяснить.

Хуже не придумаешь!

Рассеянно поблагодарив Натали, Данте положил трубку и потянулся за ключами.

— Куда ты? — спросил Эдриан, наливая себе вторую порцию виски.

— Искать ее.

— Ты уверен, что она этого стоит? Ты заслуживаешь большего, чем какую-то потаскуху, которая расплачивается натурой за услуги.

Схватив Эдриана за грудки, Данте прижал его к стене. При этом стакан выпал из руки его помощника и разлетелся на мелкие осколки.

— Ты ничего о ней не знаешь! — рявкнул он, проклиная себя, за то, что поделился с Эдрианом подробностями их с Маккензи сделки. Теперь Маккензи исчезла. — Какое отношение ты имеешь к исчезновению Маккензи?

Эдриан испуганно покачал головой.

— Никакого, босс.

Но Данте нутром чувствовал, что он лжет.

— И как я только мог сделать тебя своим шафером? — Потянув Эдриана на себя, он что есть силы швырнул его на диван. — Чтобы к моему возвращению тебя здесь не было! Я больше не желаю тебя видеть. Ты уволен.

— Но, Данте...

— Пошел прочь!

Спустившись вниз, Данте сел в свой автомобиль и погнал его на предельной скорости по извилистой горной дороге. Он надеялся, что не ошибся и выбрал правильный путь.

Должно быть, она выскочила из отеля в полном смятении. Только бы с ней ничего не случилось!

Он хлопнул ладонью по рулю. Почему ему понадобилось столько времени, чтобы понять, как много она для него значит? Грубые слова Эдриана в адрес Маккензи послужили для него своеобразным толчком к осознанию простых истин.

Маккензи не была потаскухой, расплачивающейся своим телом за оказанные ей услуги.

Она была энергичной, страстной женщиной.

Матерью его ребенка. Женщиной, которую он любил! Проехав нужный поворот, он мрачно выругался и развернул машину. Только бы не опоздать!

Встретив свою хозяйку у двери, Мисти принялась вертеться у ее ног, как всегда делала в ожидании еды, хотя сейчас было только около полудня и вряд ли ей хотелось есть. Присев на корточки, Маккензи взяла ее на руки и вошла в дом.

— Возможно, ты любишь меня только из-за еды, которую я тебе даю, но по крайней мере ты меня любишь, — пробормотала девушка, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Но она сдержала их, твердо решив, что не будет плакать из-за Данте Карраццо. Этот обманщик не заслуживает ее слез!

Посадив кошку на диван, Маккензи прошла в свою комнату. Ее чемодан остался в отеле, но у нее был другой, более старый. Достав его с антресоли, она смахнула с него пыль и бросила на кровать. Ей нужно срочно уехать. Туда, где никто ее не найдет.

Особенно Данте Карраццо.

Зазвонил телефон, но она не стала отвечать. Лучше, если никто не будет знать, где она. Позднее, когда найдет себе убежище, она свяжется с родителями.

Достав из шкафа ворох одежды, Маккензи, не разбирая, что к чему, засунула все в чемодан. Ей не нужно теперь хорошо выглядеть, так что можно не утруждаться.

Маккензи волокла чемодан по полу прихожей, когда услышала шум подъезжающего автомобиля. Зашуршав гравием, машина резко остановилась, и хлопнула дверца.

Она похолодела.

Данте!

Маккензи застыла на месте. Она не хотела его видеть, не хотела услышать новую ложь, не хотела, чтобы он узнал, какую боль ей причинил.

Потому что прекрасно знала, почему он приехал. Не ради нее. Ради ребенка. Это было единственной причиной, по которой Данте собирался на ней жениться. А она еще пыталась убедить себя, что он ее любит!

Дура!

Входная дверь распахнулась.

— Маккензи!

Данте бросился к ней.

— Убирайся!

— Ты должна меня выслушать.

— Нет! Я больше не собираюсь тебя слушать. Ты лгал мне и сделаешь это снова.

— Маккензи, прошу тебя...

— Дай мне пройти. Я уезжаю.

— Я не позволю тебе этого сделать, пока ты не дашь мне возможность все объяснить.

Казалось, его внушительная фигура заняла собой всю ее прихожую, и она побежала в гостиную в поисках свободного пространства. Данте последовал за ней. При виде гостя Мисти насторожилась и угрожающе забила хвостом.

— Я же сказала, что не хочу тебя слушать! Мы заключили сделку, а ты не выполнил ее условия.

— Я ничего не нарушал.

— Хватит врать! Ты пообещал мне оставить в покое «Эштон Хаус», и я тебе поверила. Но Эдриан сказал мне, что ты решил его закрыть.

Данте громко выругался.

— Эдриан завистливый мерзавец. Я его уволил.

— А Натали ты тоже уволил? Она подтвердила слова Эдриана. Не пытайся переложить свою вину на Эдриана, Данте. Между нами все кончено.

Данте тяжело вздохнул, и ей показалось, что он признает свое поражение. Его суровые черты смягчились.

— Я хотел сделать тебе сюрприз. — Его голос звучал почти умоляюще.

— Разрушив «Эштон Хаус»? — Она говорила почти спокойно. Произшедшая с ним перемена застигла ее врасплох.

Он покачал головой.

— Я закрываю его не для того, чтобы разрушить.

— Но все же закрываешь?

— Да.

— Но почему? Мы ведь договорились. Ты обещал мне пощадить «Эштон Хаус». Обещал! Я ничего для тебя не значу, равно как и этот ребенок. Что бы ты там ни говорил, все, чего ты хочешь, это уничтожить Сару и Джонаса Дуглас.

Он закрыл лицо руками, но это не помогло ему сдержать страдальческий стон, от которого у Маккензи по спине побежали мурашки и Мисти пулей вылетела из комнаты.

— Да, — произнес он сдавленным голосом. Его глаза неистово сверкали на искаженном мукой лице. — Это было все, чего я хотел. Уничтожить их. Заставить заплатить за то, что они сделали.

Маккензи еще больше похолодела и обхватила себя руками.

— И что же они сделали? — произнесла она дрожащим от волнения голосом.

Закрыв глаза, Данте покачал головой и запустил руку в волосы. Затем снова открыл глаза.

— Маккензи, — мягко произнес он, указывая ей на диван, — я должен кое-что тебе рассказать. Возможно, мне следовало это сделать уже давно. Ты меня слушаешь?

Маккензи не знала, что ответить. Ей не хотелось снова слушать его лживые обещания. Данте виновато улыбнулся.

— Пожалуйста, — настаивал он. — Это очень важно.

Интуиция подсказывала ей, что сейчас он впервые заговорит с ней о своем прошлом. Отрывисто кивнув, Маккензи села на диван.

— Я никогда не знал своих настоящих родителей, — начал он. — Моя мать была итальянкой. Об отце мне вообще ничего не известно. Скорее всего, он бросил нас, испугавшись ответственности. Семья моей матери очень стыдилась ее внебрачной связи, и меня отдали на воспитание в другую семью, чтобы не ломать ей жизнь.

У Маккензи защемило сердце. Это было так не похоже на ситуацию ее родителей, которые отчаянно хотели ребенка, и потратили целое состояние на всевозможные обследования.

— Данте, я понятия не имела, — сочувственно произнесла она.

— Это еще не все, — продолжил он. — Когда мне было всего два года, у меня появились новые родители. Оба были трудоголиками и посвятили всю свою жизнь карьере, но в зрелом возрасте у них родился сын. Он был моим ровесником.

Маккензи поразила своей догадке.

— Не хочешь ли ты сказать, что это Сара и Джонас?

Он взглядом подтвердил ее правоту.

— Они взяли меня к себе.

— Но этого не может быть. У Дугласов было только два сына: Джейк и... — по ее спине пробежал холодок, — Дэнни. Дэниэл Дуглас, — прошептала она.

Куски головоломки медленно складывались воедино. Она вглядывалась в лицо Данте, ища сходство с мальчиком, которого видела на старых фотографиях.

— Джейк погиб в автокатастрофе, а Дэнни бесследно исчез... Ты ведь Дэнни, правда?

Данте пристально посмотрел на нее. Его лицо было безжизненным, в глубине глаз затаилась боль. Ей вдруг захотелось прижать его к себе и утешить. Но она по-прежнему не до конца понимала, что послужило причиной его печали. Да, настоящие родители отказались от него, но его усыновила одна из богатейших семей в городе.

— Сара и Джонас усыновили тебя, а ты платишь им таким образом? Я ничего не понимаю.

— Они не усыновляли меня! — крикнул он, вскочив на ноги. — Они меня приобрели! Они выбрали ребенка того же возраста, что и их собственный, с единственной целью — чтобы их любимому чаду не было скучно. Я должен был составлять Джейку компанию, когда Сары и Джонаса не было дома. А их вечно не было дома. Мы никогда не оставались ночевать у друзей. Нам никогда не разрешали играть в школьных спортивных командах. До и после школы мы торчали дома, и мое присутствие требовалось только для того, чтобы развлекать Джейка.

Маккензи покачала головой.

— Ужасно! У меня в голове не укладывается, как можно так поступать с детьми!

— Я знал, что Сара и Джонас постоянно заняты. Они зарабатывали миллионы. Меня взяли у моих небогатых воспитателей и окружили роскошью. Кто я был такой, чтобы жаловаться?

Он внезапно замолчал, и в тишине Мисти вернулась в комнату и потерлась о ноги хозяйки, после чего начала осторожно обнюхивать гостя.

— Что произошло потом?

— Был семнадцатый день рождения Джейка, — наконец произнес Данте, — и в честь этого мы устроили грандиозную вечеринку. Родители подарили ему «порше», и нам не терпелось прокатиться на нем, но нужно было дождаться окончания праздника. Однако еще до конца

вечеринки Сара и Джонас позвали меня к себе в кабинет. Это мне показалось странным, но я тогда подумал, что они просто решили узнать, какой подарок я хочу получить на день своего рождения через два месяца. Машины меня не особенно интересовали. Это Джейк всегда был любителем высоких скоростей. Он всегда был моим героем, моим старшим братом, рискованным парнем.

— А ты? Каким был ты?

Данте посмотрел на нее. Его глаза затуманились от воспоминаний.

— Я много мечтал. Я восхищался тем, чего добились Сара и Джонас. Поздно вечером я часто подслушивал их разговоры о недвижимости и процентных ставках. В отличие от Джейка, который, несмотря на все их уговоры, не хотел поступать в университет, я мечтал изучать бизнес, чтобы стать таким же, как они.

— Тогда почему ты исчез?

Данте грустно рассмеялся.

— Я не совсем «исчез». В тот вечер они сказали, что больше во мне не нуждаются, что я отслужил свое и мне пора уходить.

— Они тебя выгнали?

— В тот же самый вечер. Они дали мне чек на десять тысяч долларов и не позволили попрощаться с Джейком, потому что он якобы все уже знал и ему было все равно.

— Они так с тобой поступили?

Он кивнул.

— Да, но сперва сообщили, что мое настоящее имя не Дэниэл Дуглас, как я всегда считал, а Данте Карраццо. По их словам, они хотели, чтобы я знал свои корни. Но в действительности это был лишь намек на то, что я не имел права предъявлять им материальные претензии.

— И ты ушел.

— Да, взяв деньги и получив от них документы со своим настоящим именем. Я был так потрясен, что уехал в тот же вечер и больше никогда не возвращался. Но я не спустил все деньги, как они, должно быть, думали. Я купил билет в один конец до Лондона, нашел бумажную работу в сфере недвижимости и, с каждым годом набираясь опыта, поднимался вверх по карьерной лестнице, пока однажды не открыл свое дело.

— И ты совсем не учился в университете?

Данте слабо улыбнулся, когда Мисти выгнула спину и потерлась боком о его ногу.

— Нет. И, возможно, мне следует благодарить за это Сару и Джонаса. Потому что долгая практика дала мне значительно больше, чем получали другие, посещая лекции.

— И ты дал себе слово воспользоваться этими знаниями, чтобы им отомстить?

— Да, — произнес он без малейшего сожаления. — Через два года после того, как они меня выгнали, я случайно узнал из крошечной заметки в газете, что Джейк погиб. Я не мог в это

поверить. Джейк был настоящим героем, баловнем судьбы. У него было все, чего он хотел, но это не пошло ему на пользу. А они даже не позволили мне с ним попрощаться. Мне следовало это сделать. Я знаю, Джейк не захотел бы, чтобы я ушел.

Он глубоко вздохнул.

— Именно в тот момент я и решил им отомстить. За Джейка, за себя, за почти пятнадцать лет обмана. Мне пришлось много потрудиться. Они занимали несравненно более высокое положение в мире бизнеса, но я постепенно их догнал. Этот процесс ускорился, когда Джонас начал играть в азартные игры. Должно быть, они были сильно потрясены, когда узнали, кто так безжалостно отбирает у них их бизнес. Они могли бы обратиться в прессу за поддержкой, но для этого им пришлось бы рассказать всю историю. — Он поднял брови. — Разве кто-то смог бы после этого испытывать к ним жалость?

Несколько минут они оба молчали. Тишину нарушало только тиканье часов и мурлыканье Мисти, которая забралась на колени к Данте и уткнулась головой в его большую ладонь, словно утешая его.

— Это ужасно, — наконец произнесла Маккензи. — Я понятия не имела. Они всегда казались мне такими милыми людьми.

Он пожал плечами.

— Возможно, они такими и были. Просто им не следовало иметь детей.

— Значит, вот почему ты так хочешь разрушить «Эштон Хаус», — прошептала она. — Их последний оплот, их гордость.

Данте сухо рассмеялся.

— О да. Не говоря уже о том, что именно там праздновался семнадцатый день рождения Джейка.

Маккензи в ужасе уставилась на него, внезапно осознав всю глубину его отвращения к этим людям.

— О боже, — пролепетала она, коснувшись его руки.

Пожав плечами, он как-то странно улыбнулся.

— Раньше мои планы мести мне казались очень важными, но с недавних пор все изменилось.

— Но ведь ты сам признался, что по-прежнему собираешься закрыть отель.

— Это правда, — кивнул он, взяв обе ее руки в свои. — Ты постоянно повторяла, что мне следует строить, а не разрушать, но в мире ведь достаточно хороших отелей, ты так не считаешь?

Маккензи нервно улыбнулась. Она все еще не понимала, куда он клонит, но внезапная перемена его настроения обнадеживала.

— Что ты задумал? — прямо спросила она.

— Возможно, это безумие, — признался он. — Эдриан пытался меня от этого отговорить. Но,

анализируя свое прошлое, я понял, что первая приемная семья была единственной, которой я был нужен. Они дали мне дом, заботились обо мне, несмотря на свою бедность. Таким образом, когда ты заставила меня пообещать не закрывать «Эштон Хаус», я решил превратить его в дом для семей, которым жилищные условия не позволяют брать на воспитание детей. «Эштон Хаус» решит проблемы некоторых из них и позволит детям обрести новых любящих родителей.

Данте выжидающе посмотрел на нее, и она улыбнулась.

— Значит, вот для чего ты закрываешь отель? Чтобы поселить в нем приемные семьи?

Он кивнул.

— Да, и, надеюсь, ты не станешь возражать. Ты заставила меня пообещать не разрушать «Эштон Хаус», но не говорила, что он должен оставаться отелем. Что ты думаешь?

— Я думаю, что это самая замечательная идея, которую я когда-либо слышала.

Он широко улыбнулся, и его глаза заблестели от удовольствия.

— Правда?

— Я так тобой горжусь, — произнесла Маккензи, заключая его в объятия. — Прости меня! Я понятия не имела, что тебе пришлось пережить. Прости, что усомнилась в тебе.

Данте обнял ее за плечи.

— Ты была права, не поверив мне. Я собирался разрушить «Эштон Хаус», даже велел Эдриану закрыть его до того, как ты узнала о своей беременности. Но когда ты поставила мне ультиматум, я взглянул на свой план и вдруг понял, что это перестало иметь для меня значение. Я пытался, но не мог уцепиться за эту ненависть. Твои слова о том, что мне следовало бы созидать, а не разрушать, заставили меня пересмотреть мою жизненную позицию. — Поглядев на нее, он улыбнулся. — Ты научила меня этому, и я перед тобой в неоплатном долгу.

Маккензи закусил губу.

— Мне жаль, что я сегодня от тебя убежала.

— А мне нет.

Она нахмурилась и отстранилась, но Данте снова привлек ее к себе.

— Ты неправильно меня поняла. Я имел в виду, что до этого момента не понимал, как много ты для меня значишь. Мне было хорошо с тобой, я хотел, чтобы ты родила мне ребенка, но осознал, насколько ты мне дорога, лишь когда подумал, что потерял тебя.

Ее сердце замерло на мгновение, после чего бешено заколотилось.

— Ты хочешь сказать?..

Он улыбнулся.

— Я люблю тебя, Маккензи Роуз. Люблю так сильно, что у меня чуть сердце не разорвалось, когда ты сбежала. Обещай, что подобного больше не повторится.

— Только если ты пообещаешь не пугать меня до смерти своими сюрпризами. Лучше вываливай все сразу.

Рассмеявшись, он крепче прижал ее к себе.

— Договорились.

— Ну раз уж речь зашла о честности... — Обняв мужчину за шею, Маккензи поцеловала его в губы, вложив в этот поцелуй всю свою любовь.

Когда она наконец отстранилась, Данте довольно промурлыкал:

— Это значит то, о чем я думаю?

— Да. Я люблю тебя, Данте Карраццо, и буду любить всегда.

— Вот только я этого не заслуживаю. — Он внезапно нахмурился. — Я бесцеремонно воспользовался тобой, когда ты мирно спала в моей постели. Принимал тебя за обычную шл...

Маккензи не дала ему договорить, снова накрыв его губы своими.

— Это уже не имеет значения. Ты не воспользовался мной.

Данте отвернулся.

— Но я не оставил тебе выбора.

Она положила руку ему на подбородок и заставила посмотреть на нее.

— Да, я была потрясена, когда, проснувшись, обнаружила на себе обнаженного незнакомца, но у меня был выбор. Я могла бы закричать или выскочить из постели.

Его глаза улыбались.

— И почему же ты этого не сделала?

— Потому что не хотела, чтобы ты останавливался. Мне еще никогда не было так хорошо, — призналась она.

— Но ты шептала имя своего бывшего возлюбленного.

— Если я это и делала, то только потому, что с тобой было совсем не так, как с ним. Ричард всегда называл меня снежной королевой. — Маккензи инстинктивно обхватила себя руками.

Данте крепче обнял ее.

— Он полный идиот!

Девушка попыталась улыбнуться, но у нее ничего не вышло.

— Он знал, что я была зачата путем искусственного оплодотворения, и видел в этом причину моей фригидности. При расставании он сказал мне, что я не настоящая женщина, а жалкий суррогат.

Зарывав от негодования, Данте поцеловал ее в макушку. Ему хотелось убить этого негодяя.

— Но не могла же ты ему поверить.

Маккензи напряглась в его объятиях, но не отстранилась.

— Проанализировав свой прошлый опыт, я подумала, что, возможно, Ричард был прав. Интимная близость не доставляла мне удовольствия. До той ночи в «Эштон Хаусе».

Данте хотелось плясать от радости. Она принадлежала ему, и только ему. Казалось, его сердце вот-вот выпрыгнет из груди.

— Послушай меня и поверь, дорогая, ты самая страстная женщина, которую я когда-либо знал. И самая настоящая.

Маккензи улыбнулась ему.

— Раньше у меня был любовник моей мечты, который иногда приходил ко мне во сне. Думаю, он пытался мне сказать именно это.

Приподняв ее подбородок, Данте заглянул ей в глаза.

— Тебе больше не нужен любовник мечты.

— Нет, — согласилась она, обольстительно улыбаясь. — Теперь у меня есть настоящий.

Они опоздали на свадьбу на целых два часа, но никто, похоже, не возражал. На шее Маккензи искрилась изумрудная подвеска, а в ушах покачивались подходящие к ней серьги. Данте сохранил эти украшения и преподнес их ей перед церемонией в качестве свадебного подарка и в знак своей любви. На этот раз Маккензи приняла их, уверенная в его чувстве.

Стюарт Куинн с радостью согласился взять на себя роль шафера. Он стоял рядом с Данте, и его суровое обветренное лицо сияло от гордости. Но Маккензи, идущая под руку со своим отцом к алтарю в саду, не замечала никого, кроме Данте. Его темные глаза притягивали ее как магнит, а нежная улыбка говорила больше, чем тысячи слов.

— Я люблю тебя, Маккензи Роуз, — прошептал он, когда она подошла к нему.

Посмотрев на него, она почувствовала себя так, словно у нее выросли крылья.

— А я тебя, Данте.

Тогда он наклонил голову и страстно поцеловал ее.

За спиной у них раздались бурные аплодисменты, и только тактичное покашливание священника прервало этот поцелуй.

— Какое бесстыдное нарушение традиции, — проворчал он, но его глаза улыбались. — Может, все-таки позвольте мне прочитать речь?

Он посмотрел вверх Библии на собравшихся гостей.

— Дорогие братья и сестры...